Анастасия Хайме

ОСОБЕННЫЕ ИСТОРИИ

Особенные истории
Анастасия Хайме

Редактор Александра Черняхович

ISBN 978-5-0053-3042-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту книгу я хочу посвятить тем, кого забрал 2020-й.

Борису Левону, с которым ушла часть моего детства.

Бабушке Лиде, бабушке Вале, дяде Жене.

Лесе Харченко, красивой, молодой и бесстрашной украинской активистке, до последнего продолжавшей бороться за права человека и всегда меня вдохновлявшей.

Олегу Фёдоровичу Щербине, журналисту, редактору, дорогому другу, добрейшей души человеку, который хотел написать рецензию на мою книгу, но не успел.

Светлая память.

Предисловие

Работать с особенными детьми я начала случайно. Проходя обучение по специальности «детская педагогика» со специализацией на детском психоанализе (Kindheitspädagogik mit Schwerpunkt kindliche Psychoanalyse) в Высшей специальной школе Потсдама (Fachhochschule Potsdam), на первую же учебную практику я попала в инклюзивный детский сад.

Детей в смешанной группе (от двух до пяти лет) было шестнадцать, все с разным бэкграундом. Шестеро из них были с особенными потребностями.

Четырёхлетний Йоханнес[1] не умел разговаривать, потому что его мама варила и продавала метамфетамин, а сына, чтобы не мешал, привязывала к кровати, где малыш и спал, и ел, и в туалет под себя ходил. И только благодаря приёмной маме мальчик научился пользоваться ложкой и выучил слова «спасибо» и «пожалуйста».

Ибрагим, пятилетний беженец из Сирии, вздрагивал от каждого громкого звука, спал всегда в обнимку с маленькой, растресканной и клееной-переклееной машинкой, которую носил с собой на протяжении всего почти годового странствия на пути из Дамаска в Берлин. Мальчик разговаривал на неизвестном языке, причём, по заверениям родителей, это не был ни арабский, ни курдский. В этом причудливом языке Ибрагима встречались английские и немецкие слова, но понять его не мог никто, хотя, судя по интонациям, это был не набор слов, а именно осознанная попытка коммуникации.

Розали, девочка четырёх с половиной лет с синдромом Дауна, большая модница, всегда нарядная и с идеальной причёской. Она могла быть самым послушным в мире ребёнком, а могла закатывать такие истерики, что мама не горюй.

Пятилетний Джастин с умственной отсталостью не мог справляться с агрессией и прокусывал нам руки, а потом грозился рассказать приёмному папе, будто это мы его били. Хотя синяки и следы укусов говорили об обратном.

Шестилетний Адриан с диагнозом «аутизм» уже готовился пойти в школу. Он прекрасно читал и писал. Его главным и единственным увлечением были трубы и всё, что с ними связано. Иногда во время обеда он имитировал звук полицейской сирены, причём так громко и правдоподобно, что все вскакивали со своих мест, и восстановить порядок было непросто.

И ещё была шестилетняя Меган, умница и хохотушка, которую мы по очереди вывозили гулять в инвалидной коляске. Менять ей подгузники нужно было очень бережно, чтобы не задеть зонд. Она всё время просила нас читать ей вслух и вместе собирать пазлы.

Восемь часов в день один раз в неделю на протяжении полугода, а потом ещё каждый день в течение месяца я проводила с ними. Две воспитательницы, специальный педагог и две практикантки, включая меня.

Я постоянно училась новому и старательно следовала всем указаниям коллег. А приходя домой валилась с ног. У меня болело всё тело, я уставала так, как будто разгружала вагоны: слишком близко принимала к сердцу всё, что произошло за день, пропуская через себя чужую боль и страдания.

По окончании практики коллеги устроили для меня прощальное чаепитие «в благодарность за проделанную работу и огромную помощь», а директор поинтересовалась, не хотела ли бы я после учёбы устроиться к ним на работу, на что услышала твёрдое: «Нет».

Первая практика далась мне так тяжело, что я и думать не хотела о том, чтобы работа с особенными детьми стала для меня постоянной.

Но жизнь внесла свои коррективы: до окончания учёбы я не могла устроиться работать ни педагогом, ни воспитателем, а вот социальными ассистентами по работе с особенными детьми

старшекурсников брали охотно. Так и получилось, что учась на последнем курсе, я год отработала социальным ассистентом, и ещё год по окончании вуза – педагогическим ассистентом по работе с особенными детьми в начальной школе. Этот опыт заставил меня многое переосмыслить: так, во время первой практики сложнее всего мне было смириться с мыслью: «Что бы ты ни делала, ты не можешь изменить судьбу ребёнка». Сейчас мне одновременно смешно и грустно вспоминать об этом, зная, насколько я была неправа. Да, ты не можешь переписать биографию. Но всего один педагог с позитивным настроем способен изменить многое. Все дети, даже с тяжёлой умственной отсталостью, могут учиться и делают это изо дня в день, ведь обучение происходит не только в классной комнате. Оно может иметь самые разные формы и происходить где угодно, если во всём видеть обучающие возможности и пользоваться ими: через прикосновение, через разговоры, во время игры, во время удовлетворения физических потребностей ребёнка, таких как кормление или смена подгузника. Дети учатся у тебя, а ты – у них, и вы растёте и меняетесь вместе.

В этом смысле важно концентрироваться не на ограничениях ребёнка, а на его ресурсах и работать с ними, чтобы помочь маленькому человеку раскрыть свой потенциал и улучшить качество жизни. Воспринимать ребёнка как целостную личность, индивидуальность, а не как «носителя» особенности. И, конечно, перестать сравнивать со сверстниками: «В три года он уже должен уметь… а в пять…» У многих детей с особенностями темпы развития не совпадают со стандартными, определённые навыки могут быть приобретены позже или в другой форме, а некоторые этапы могут не наступить вовсе. Но при этом адекватному человеку почему-то не приходит в голову сравнивать себя с мальчиком-аутистом, у которого во втором классе коэффициент интеллекта 140: выше, чем у большинства взрослого населения планеты, и расстраиваться по этому поводу.

Я стала замечать, что мне недостаёт знаний, и начала посещать семинары и онлайн-курсы по специальной педагогике, а сейчас подумываю о том, чтобы получить дополнительное образование в этой в этой сфере.

За время работы я успела познакомиться с разными видами учебных заведений. В Германии, в отличие от Италии, например, где все дети учатся вместе, наряду с общеобразовательными существуют ещё и специальные школы для детей с особенностями развития (Sonderschulen). Работающие в них педагоги специального образования – специалисты высочайшего уровня, умеющие управлять сложнейшей групповой динамикой в классах, зачастую состоящих из детей разного возраста, с разноплановыми диагнозами. Работать в этих классах нужно так, как будто ты дирижируешь симфоническим оркестром: знать, как управлять этим сложным организмом, учитывать индивидуальные особенности каждого не в ущерб другим.

Многие специальные школы оборудованы по последнему слову техники: с компьютерным классом, проектором и домашним кинотеатром, собственным спортзалом и бассейном. Но при этом число выпускников таких школ, поступающих в высшие учебные заведения, ничтожно мало и составляет менее одного процента.

Объясняется это тем, что учебная программа в специальных школах не сопоставима с общеобразовательными учебными заведениями. И если вторые делают упор на академическую успеваемость, то первые ставят своей целью развитие у детей практических навыков для обретения независимости и по возможности дальнейшего получения прикладной профессии. Впрочем, как любили повторять наши профессора, это проблема не только школ, но и высших учебных заведений, которым ещё многое предстоит сделать, чтобы стать действительно инклюзивными.

Цель же инклюзии в том, чтобы однажды этот концепт стал устаревшим. Чтобы значение, которое мы сегодня вкладываем в эти

термины – «школы для всех», «университеты для всех», «рабочие места для всех» – стало само собой разумеющимся, не нуждающемся в дополнительном объяснении и упоминании.

Настоящая книга повествует о моём личном опыте, я пишу о нём в надежде на то, что кому-то он может оказаться интересен и полезен, ни в коем случае не претендуя ни на всеохватность, ни на анализ специальной педагогики в стране. Я хочу поделиться своими особенными историями. Все вырученные средства будут направлены на благотворительность.

Особенные истории

Мари

Мари – первоклассница. Собранные в хвост тёмно-русые волосы, пышная чёлка, большие карие глаза и очки в круглой оправе. Ей недавно исполнилось шесть.

Взаимная симпатия у нас возникла сразу же, как только я перешагнула порог специальной школы в Берлине. Мы встретились взглядами: Мари посмотрела на меня, потом на учительницу, потом снова на меня и широко улыбнулась.

В первом классе шестеро детей, включая Мари: у Алины синдром Дауна, у Лили и Петера – аутизм, у Арианы – фетальный алкогольный синдром, у Эмили – тяжёлая форма детского церебрального паралича. Учительница представляет меня классу, и я сразу же погружаюсь в обычный день необычной школы…

На уроке немецкого проходим букву «М»: ««Ммммм!» – говорим мы, когда нам вкусно!» – объясняет учительница, поглаживая живот. – «М» – как мышка, как мармелад, как молоко, как корова, которая говорит «Муууу!»» Вслед за учительницей все дети пишут в воздухе букву М. «М!» Мари воодушевлённо показывает на себя, радостно приплясывая на стуле. «Правильно, Мари! Умница! Это и твоя буква тоже», – поддерживает её учительница.

На уроке математики учимся считать до трёх. Правда, дети за последнее время так хорошо научились считать до двух, что переключиться им очень непросто. В ход идут разноцветные магниты, шарики, фломастеры, ракушки и камешки, которые мы дружно считаем, а также солёный попкорн, соломка и крекеры за каждый правильный ответ. Я ассистирую учительнице и раздаю съедобные «призы».

После математики нас ждёт состоящий из бутербродов и пудинга завтрак. Тут я впервые вижу, как Мари использует коммуникатор: планшет с установленными на нём приложениями, созданными специально для испытывающих проблемы с речью. Пока дети

повторяют за учительницей короткую застольную молитву, Мари внимательно слушает, а в конце молитвы нажимает на картинку со сложенными руками, и коммуникатор произносит: «Приятного аппетита!» «Мари, ты бутерброд какой хочешь: с колбасой или с сыром?» – спрашивает учительница. Мари нажимает на картинку. «С сыром!» – отвечает планшет.

Этот эпизод заставляет меня задуматься о том, что ещё несколько лет назад гаджеты для альтернативной и аугментативной (дополнительной) коммуникации были редкими и неподъёмно дорогими, так что пользоваться ими могли очень немногие. Но на данный момент эта отрасль активно развивается, постоянно создавая новые приложения, способные за незначительную сумму превратить планшет в «умное» коммуникационное устройство. Благодаря им новое поколение детей учится коммуницировать так, как пару лет назад нельзя было и представить, открывая новые возможности и меняя качество жизни.

Пока дети расправляются с первым бутербродом, Мари успевает доесть второй. Я отмечаю, что аппетит у неё отменный, но учительница отвечает, что у Мари отсутствует чувство сытости, поэтому нужно следить, чтобы девочка не переедала, «иначе это может плохо кончиться».

После завтрака учительница отзывает меня в сторону: «Ну что, как тебе?» Я отвечаю, что пока всё отлично, Мари в превосходном настроении, улыбается и смеётся. На это учительница возражает, что с хорошим настроением смех Мари никак не связан, а объясняется он её диагнозом, синдромом Ангельмана: «Тебя что, работодатель в известность не поставил? Нет? Ну ладно, дома погуглишь, что за болезнь такая».

За завтраком следует прогулка в школьном дворе. Он просторный, со всех сторон окружён лесом, с тремя детскими площадками, крытым бассейном, огромной песочницей и широкой беговой дорожкой. Дети разбирают велосипеды и машинки в гараже и устраивают гонки, при этом мне приходится следить, чтобы Мари

ни в кого не врезалась и никому не наехала на ногу. Кажется, её это особенно забавляет.

После прогулки детям необходимо сменить подгузники. Учительница просит меня заняться Алиной, спокойной молчаливой девочкой с синдромом Дауна, пока сама она поможет Мари. Потому как, по её словам, «Алина особо не сопротивляется, а вот Мари малознакомого человека и ударить, и укусить может, такое уже не раз бывало». Мне трудно в это поверить, но я соглашаюсь, и мы с Алиной идём в ванную. Я надеваю перчатки и стараюсь сделать всё максимально деликатно. Когда процесс уже близится к завершению, Алина вдруг резко взвизгивает у меня над ухом и продолжает кричать. Меня это, разумеется, пугает. «Что с Алиной? Почему она кричит?» – спрашиваю я через дверь общей ванной учительницу. «Ей больно? Страшно? Я сделала что-то не так? Вроде бы в тот момент я до неё не даже дотрагивалась…» «Нет, – отвечает учительница. – Ничего страшного, это у неё иногда бывает». Завершив гигиеническую процедуру, мы с Алиной идём обратно в классную комнату. Она берёт меня за руку и доверчиво прижимается ко мне. Мари уже сидит на своём месте, улыбается и приветливо машет мне рукой.

Затем наступает время индивидуальных занятий. «Мари нужно поработать с геометрическими фигурами», – решает учительница, и отправляет нас в читальный зал. Помимо тянущихся вдоль стен полок с книгами и одного рабочего места в зале есть ещё и удобный матрас с кучей одеял, подушек и огромным медведем: здесь можно прилечь отдохнуть в течение рабочего дня. Учительница достаёт конструктор и объясняет мне, что девочке предстоит построить башню, но сделать это она сможет, только правильно подобрав геометрические фигуры.

Мари, хихикая, осматривает фундамент башни, ощупывает его, затем вытаскивает из коробки с конструктором первую геометрическую фигуру – треугольник. Я вижу, что он сюда не подходит, но Мари упорно продолжает впихивать его

в прямоугольную форму. На моё предложение попробовать, не подойдёт ли на это место другая фигура, конструктор летит на пол, сопровождаемый визгом. Поднимаю его, устанавливаю на стол. Мари снова осматривает фундамент, ощупывает контур и на этот раз достаёт из коробки прямоугольник. «Какого он цвета?» – спрашиваю я. Мари нажимает кнопку в коммуникаторе: «Фиолетовый», – отвечает машина.

Прямоугольник идеально ложится в свою нишу, так же, как и идущие вслед за ним квадрат, треугольник и круг. «Это очень полезный конструктор», – объясняет учительница, – «он не только позволяет учить геометрические фигуры и цвета в игровой форме, но и развивает координацию глаз—рука, а в нашем случае это так важно».

Через школьный двор мы направляемся в спортзал. Спорт Мари и её одноклассники любят и на уроки физкультуры ходят с удовольствием. Спортивный зал в необычной школе тоже особенный: здесь нет канатов, козла, никаких снарядов или тяжёлых предметов, острых углов, а только расставленные вдоль стен деревянные скамейки, спортивные маты и мячи самых разных цветов и размеров.

Однако расслабляться в этом зале педагогическим работникам нельзя ни на минуту. Мари играет в мяч с Лили, не по годам высокой черноволосой девочкой, которая практически не разговаривает из-за детского аутизма. Мяч закатывается под скамейку. Лили отодвигает скамью, чтобы его достать, и тут же оказывается прижатой к стене на уровне колен. Она пытается освободиться, сначала молча, но потом не выдерживает и вскрикивает. Мари держит скамейку прочно, глядя Лили прямо в глаза, и смеётся низким грудным смехом, совсем не похожим на тот, что бывает, когда ей весело. Я отнимаю у Мари скамью, за что тут же получаю тычок локтем под рёбра, а сама обидчица начинает плакать от досады. Следуя инструкции учительницы, спокойным тоном, со строгим лицом, я беру её за руку и объясняю: «Это уже не игра. Ты

сделала Лили больно. И мне, между прочим, тоже. Иди посиди в углу, подумай над своим поведением». Ребёнок садится в угол и неотрывно смотрит на меня, не прекращая плакать. Через пару минут она успокаивается, взгляд смягчается. Мари смотрит на Лили, на меня, складывает ладони на уровне груди: «Извини». Мир восстановлен, и игра продолжается до перерыва на обед.

Мы возвращаемся в главное здание, где помогаем детям переодеться и вымыть руки. Я повязываю слюнявчик Эмили, пока ответственная за неё практикантка Розали расставляет тарелки и приборы. Учительница в это время раскладывает еду по тарелкам. Сегодня это картофельное пюре, зелёная фасоль и кусочек жареной речной рыбы. Дети самостоятельно кладут себе на колени салфетку, учительница произносит традиционную застольную молитву, и все мы приступаем к еде. Розали кормит Эмили, но та сегодня не в духе. Капризничает, вертит головой, а затем неожиданно бьёт по тарелке так, что содержимое летит девушке в лицо, благо еда к тому моменту уже успела остыть. «Эмили, всё, обед для тебя закончен, раз ты не ешь, а только балуешься. Это что ещё за фокусы!» – возмущается учительница. Она отодвигает Эмили от общего стола и ставит её стульчик к стене. Розали, тяжело вздохнув, берёт влажные салфетки и вытирает лицо, шею и свитер. Обед продолжается в тишине.

Мари нажимает кнопку на коммуникаторе, и планшет произносит: «Добавки, пожалуйста». «Хорошо, – отвечает учительница, – но это последняя порция, потом ещё пудинг и компот». Мари, хихикая, согласно кивает. Учительница подаёт ей вторую порцию, а сама отходит на кухню за салфетками. В то время как Мари расправляется с добавкой, у неё начинают сползать очки. Она небрежно поправляет их один раз, затем второй и третий, после чего очки сползают с носа и едва ли не плюхаются в картофельное пюре.

Девочка трясёт головой, пытаясь вернуть их на место. «Погоди», – говорю я, – «я тебе сейчас дужку поправлю, чтобы не сползали». В следующую секунду очки летят мне в лицо, больно ударяются о переносицу и падают в тарелку. Слышится отрывистое хихиканье

в том же грудном диапазоне, что и на уроке физкультуры. Мари молниеносно вскакивает с места, одной рукой хватает меня за волосы, а другой с размаху бьёт ложкой по горлу. Боль такая, что в первые секунды я не могу вздохнуть.

«Ма… ри, ты что… делаешь?» – хриплю я. Первой из оцепенения выходит Розали: «Ого, синяк знатный будет. За ней глаз да глаз нужен. Месяц назад она меня придушить пыталась, тоже за обедом». В этот момент возвращается учительница с салфетками. Увидев лежащие в тарелке очки, сваленный стул, расплывающееся на моей шее красное пятно и хихикающую Мари, она молниеносно оценивает обстановку: «Анастасия, она на тебя набросилась, от тебя и должно исходить наказание, причём немедленно, иначе это будет неправильно с педагогической точки зрения».

«Мари, – как можно более спокойно говорю я, – обед для тебя закончен. Сядь на стул у окна и хорошо подумай. Ты очень сильно меня ударила. А людей бить нельзя». Ребёнок, продолжая угрожающе хихикать в нижнем регистре, нехотя садится на стул. Учительница объясняет, что агрессивное поведение, как и аутоагрессия (склонность к членовредительству), характерны для синдрома Ангельмана, и просит меня быть начеку. «Не волнуйтесь, больше такого не повторится, – обещаю я ей, – теперь рядом с ней я всегда буду внимательна и осторожна, и больше не позволю себе расслабиться».

Вечером я открою Википедию и узнаю о том, что синдром Ангельмана – это редчайшее заболевание, вызываемая генетической аномалией патология, поражающая нервную систему и приводящая к задержке умственного развития, отсутствию речи и эпилептическим припадкам.

С этого момента я всегда буду наготове, чтобы в случае необходимости защитить не только остальных детей, себя и других педагогов, но и в первую очередь саму Мари. И, надо сказать, за все последующие полгода работы с Мари подобных ситуаций больше не будет.

* * *

Зато за эти шесть месяцев мы успеем выучить весь оставшийся алфавит, научимся считать до десяти, испечём рождественское печенье, сделаем множество поделок, будем гулять по заснеженному лугу, играть в вышибалу и в прятки и даже сходим в кукольный театр. И уже к середине этого срока мы начнём понимать друг друга не то что с полуслова, а с полувзгляда. А ещё мы будем танцевать до упаду, потому что Мари любит музыку, у неё превосходное чувство ритма, и она просто обожает кружиться в танце.

К тому же я познакомлюсь с Майей, мамой Мари – успешным адвокатом, красивой ухоженной женщиной с грустными глазами, и узнаю, что ребёнка они с мужем, абсолютно здоровые люди, планировали, и были невероятно счастливы, когда родилась их долгожданная дочь. Первые подозрения по поводу того, что с девочкой «что-то не так» у них закрались, когда малышке было чуть больше года, и она начала ходить на «негнущихся» ногах, не сгибая коленей, и так не произнесла заветное «мама». После сдачи анализов, во время разговора с детским доктором у Майи, по её словам, земля ушла из-под ног: «Потому что в этот момент ты хоронишь то будущее, о котором мечтала и которое планировала для своего ребёнка».

Поначалу родителям казалось, что они остались со своим горем один на один. Но работающие с их дочерью психологи, врачи, логопеды, физиотерапевты, воспитательница в садике, а затем и учительница в особенной школе, новые знакомые и друзья не давали им замкнуться в себе, поддерживая и радуясь каждому маленькому успеху Мари, как своему собственному. Поддержка людей, связанных с тобой общими проблемами и задачами, не даёт опускать руки даже в самые тёмные моменты.

Сейчас мама Мари возлагает большие надежды на музыкальную и иппотерапию. Девочка, как и большинство её ровесниц, любит играть с куклой Барби и летающими пони, смотреть видео на YouTube и плавать. Вместе с родителями они устраивают пикники и велосипедные прогулки.

* * *

Когда я буду прощаться со ставшим уже родным классом, на память мне подарят коллективную поделку с отпечатками ладошек. Как будто бы я когда-нибудь смогу их забыть. Учительница скажет, что внимательно наблюдала за мной с самого начала и была приятно удивлена тем, что я не принимала удары и толчки на свой счёт, а реагировала на них, как и положено: как на симптомы болезни. И отметит, что никогда ещё не видела, чтобы у Мари с кем-то из взрослых возникла «химия» – взаимная симпатия, как у нас, с первого взгляда. А Мари ничего не скажет. Она меня обнимет, как обнимает только маму и учительницу.

Анна и Андреас

Когда я познакомилась с Анной и Андреасом, ей было пять лет, а ему – три с половиной года. Полтора из них они жили в приёмной семье. Андреас – улыбчивый мальчуган, платиновый блондин с кудряшками, ямочками на щеках и огромными голубыми глазами, весь в маму. Анна же – копия папы: с такими же голубыми, как у брата, глазами, но широко расставленными, с подстриженными под мальчика пепельными волосами, заразительным смехом и широкой щербатой улыбкой будущей первоклассницы.

Ева, их опекунша, которую дети называют мамой – высокая брюнетка со спортивной фигурой и гладкой загорелой кожей, проводит для меня экскурсию по их коттеджу, параллельно рассказывая о том, как они стали семьёй.

Анна родилась, когда её папе Марку было двадцать два года, а маме Валерии только исполнилось двадцать, что по немецким меркам очень рано. Молодые люди обожали повеселиться, это их и сблизило: они ходили на вечеринки, танцевали, пели в караоке, выпивали и не отказывали себе в сигарете с марихуаной. Проблема была в том, что с рождением детей их образ жизни не изменился. Оставался он таким и во время обеих беременностей.

Несмотря на то, что детей своих Валерия и Марк любили, к созданию семьи они не были готовы ни морально, ни материально, а потому создать малышам достойные условия у них не получилось, и социальные службы приняли решение поместить Анну и Андреаса в приёмную семью.

Так совпало, что в то же время заявку на опекунство подала живущая буквально в двух кварталах Ева. Этому предшествовала трагедия: её новорождённые девочки-близнецы умерли сразу после рождения. Всю свою жизнь Ева заботилась о ком-то: о своей больной матери, о старенькой бабушке, о муже, успешно помогая ему побороть онкологию. Выбравшись из глубокой депрессии после

смерти близняшек, она решила стать опекуншей. У неё было так много свободного времени, любви и желания дать детям только самое лучшее.

«Я ни в коем случае не пытаюсь заменить своих покойных детей приёмными. Но если честно, то они и вернули меня к жизни», – признаётся она. «Бывает сложно, иногда просто невыносимо, но я очень стараюсь. И мой муж большой молодец, во всём меня поддерживает, ни слова против не сказал».

* * *

Анна и Андреас – необычайно ласковые дети. При знакомстве, пока Ева рассказывала мне о себе, брат с сестрой пытались забраться мне на колени, тёрлись о мою куртку, ластились, как котята, даже дрались за моё, малознакомого человека, внимание, что говорило об отсутствии личных границ и необходимости над ними работать и их выстраивать. Им не терпелось отвести меня наверх, показать свои игрушки и сразу же пойти в лес или на детскую площадку, так что нам с Евой приходилось их тормозить, напоминая о том, что «с незнакомыми людьми мы никуда не ходим и не играем», а сначала надо друг друга узнать.

Анна была для своего возраста очень высокой, так что все думали, будто ей семь. Первое, что мне бросилось в глаза – это её походка моряка на суше: девочку штормило и шатало из стороны в сторону, она не могла держать баланс, рассчитывать силу и интенсивность движений. Сначала я даже подумала, что ребёнок себя плохо чувствует, поэтому не владеет своим телом, но это оказалось задержкой в моторном развитии. При этом у Андреаса развитие как крупной, так и мелкой моторики соответствовало возрасту, а в некоторых аспектах даже опережало его. Поначалу меня этот факт удивил, но позже я узнала, что тому есть объяснение.

Психолог объяснила приёмной маме, что отставание Анны в умственном, моторном, речевом и социально-эмоциональном развитии объясняется не только и не столько влиянием запрещённых веществ на протекание беременности. Главной причиной стал стресс, который малышка испытала, когда их с братом изъяли из родной семьи и отдали в приёмную, и что все меры помощи не смогут до конца заполнить пустоту, возникшую в первые, самые важные, три с половиной года жизни ребёнка.

Поначалу Анна каждый день спрашивала у Евы: «Когда мы пойдём домой?» Родители недодавали ей заботы и внимания, но это был её ДОМ. Даже несмотря на то, что в родительском доме они вчетвером ютились в тесной квартирке, а теперь у каждого из них была своя комната в большом красивом доме, сад для игр, бассейн, батут и собака. Несмотря на то, что в родной семье она недоедала, а сейчас окрепла и поправилась. Несмотря на многочисленные игрушки, уроки верховой езды, сладости и разноцветные платья. Несмотря на окружившие её уход, ласку и безусловную любовь. И хотя с первых недель жизни в приёмной семье Анна начала называть Еву мамой, эмоционально её разрывало между родной семьёй и приёмной, между старым и новым домом. Андреас же этого стресса избежал, поскольку ему на тот момент было всего полтора года. Он из прошлой жизни не помнит ни плохого, ни хорошего. Для него мама – это Ева, и другого дома он не знает.

Поэтому на свидания с родителями (раз в неделю с папой, раз в две недели с мамой) мальчик реагирует абсолютно спокойно. Другое дело – Анна. У неё учащается пульс, поминутно меняется настроение. Она то поёт, то плачет. То обнимает, то отталкивает. А также исключительно после свиданий с родителями у девочки случались приступы недержания, хотя подгузники она не носит уже несколько лет.

Нужно отметить, что по немецким законам каждый приёмный ребёнок имеет право знать, кто его биологические родители, и общаться с ними. И немецкие социальные службы делают всё,

чтобы поддерживать эти контакты для возможного последующего воссоединения семьи, если родителям удастся наладить свою жизнь (отказаться от вредных привычек, найти работу, обеспечить детям достойные жилищные условия, начать работать с психологом и т.д.).

Однако в случае с Анной было принято решение эти контакты временно свести к минимуму, чтобы не травмировать ребёнка. И через несколько месяцев ситуация, действительно, улучшилась – на свидания она реагировала уже не так болезненно.

* * *

Чтобы начать понимать Анну, мне понадобилось время: девочка шепелявила, гнусавила, проглатывала одни звуки и не выговаривала другие, и в целом говорила настолько невнятно, что поначалу мне приходилось гадать, что она имеет в виду. К тому же у ребёнка была диагностирована задержка речевого развития: в три с половиной года она, по словам опекунши, «практически не разговаривала, знала только отдельные слова, а предложений из них не строила вовсе».

Еженедельные занятия с логопедом, педагогом по технике речи, трудо- и физиотерапевтом, которые Ева нашла для неё на другом конце города, принесли свои плоды, и месяц от месяца речь Анны становилась чище и понятнее, словарный запас расширялся (снова во многом благодаря Еве, которая постоянно читала ей вслух), а предложения становились всё длиннее и сложнее. Когда мы только познакомились, грамматика у неё была на уровне «Мы ходить гулять», «Я есть мороженое», «Андреас плохо спать», но уже через полгода прогресс был огромный. Я, в свою очередь, тоже не упускала возможности читать Анне и Андреасу вслух. Вместе мы придумывали истории, сочиняли сказки, учили считалки и, наконец, просто разговаривали обо всём на свете.

При плохой погоде мы оставались дома, а при хорошей чаще всего проводили время на детской площадке. Дома мы с Андреасом и Анной играли с конструктором Лего, рисовали или, по рекомендации трудотерапевта, собирали пазлы: у девочки наблюдались серьёзные проблемы с мелкой моторикой, концентрацией и усидчивостью. Но собирать пазлы она любила, и за этим занятием спокойно могла провести полчаса, а бывало и больше.

* * *

И Андреас, и Анна безумно любили дарить подарки: с каждой прогулки они несли в дом сувениры для приёмной мамы, будь то полевой цветок, опавший лист необычной формы, разноцветные камешки, орехи, найденная в песочнице ракушка или стекляшка. Довольно скоро подарки начали доставаться и мне.

В один из дождливых дней Анна уговорила Еву принести нам ящик со стеклянными бусинами, потому что ей хотелось «кое-что смастерить». Она важно нанизывала крупные бусины на резинку, высунув кончик языка, и терпеливо поднимала упавшие на пол сердечки, колечки и звёздочки, а затем попросила меня завязать концы резинки узелком, после чего с гордостью протянула её мне: «Анастасия, я заметила, что у тебя нет браслета, поэтому я решила его сделать и подарить тебе». Этот браслет я храню до сих пор.

* * *

В остальном же наши отношения развивались довольно медленно. С Анной и Андреасом я работала два-три раза в неделю по три-четыре часа, чтобы разгрузить Еву и дать ей возможность съездить

за покупками или навестить престарелых родителей. Поначалу, когда я забирала детей из детского сада, они плакали, капризничали и постоянно спрашивали про маму. То же самое продолжалось во время прогулок, игр и наших совместных занятий. При этом, по словам Евы, среди недели дети нередко интересовались, «когда уже наконец-то придёт Анастасия, и мы будем с ней играть и есть мороженое». Несмотря на первоначальную чрезмерную открытость Андреаса и Анны, для того, чтобы дети начали полностью доверять мне, потребовались время и терпение. Тем более прочной стала эта связь, возведённая на надёжном фундаменте.

Основным моим рабочим местом стала детская площадка, состоявшая из большой и маленькой песочниц, деревянных качелей на цепях, качелей-балансир в виде большого бревна, горки с «домиком», висячим мостом и горизонтальной лестницей и, само собой, скамейками для родителей.

Впрочем, долго сидеть на скамейке мне не доводилось. Одним из последствий злоупотребления матерью Анны запрещёнными веществами во время беременности были неконтролируемые вспышки агрессии у девочки. Мне постоянно приходилось следить за тем, чтобы она не сбросила младшего брата или кого-то из играющих на площадке детей с горки, не расцарапала им лицо, не швырнула песком в глаза, не ударила, не укусила и не сломала им пальцы железным ведёрком, подвешенным на цепи у большой песочницы. Ева даже вынуждена была обратиться к психологу, после того как стала свидетельницей издевательств девочки над животными: Анна таскала кота за хвост, била и пинала собаку, давила жуков и улиток и буквально размазала большим куском мела по асфальту прыгавших перед лужей лягушек.

Один раз она ни с того ни с сего запустила мне в голову металлическую модель поезда, которым Андреас с папой играли в железную дорогу. Паровоз (к слову, довольно тяжёлый) пролетел буквально в двух сантиметрах от виска. После этого Анна рыдала, говорила, что сама не знает, как так вышло, что всё произошло

внезапно, что она даже не поняла и что ей ужасно жаль… Ева тут же сунула ей печенье, чтобы девочка не плакала. Мне же осталось переваривать мысль о том, что она могла сделать меня инвалидом просто потому, что недостаточно осознаёт последствия своих поступков и не может контролировать приступы агрессии.

* * *

Всем детям иногда приходится повторять что-то по несколько раз, но работа с Анной временами доводила меня до отчаяния. Она не могла запомнить совершенно элементарных вещей, например, что нужно стоять на красный свет светофора и идти на зелёный. Кивала, глядя на меня при этом пустым взглядом и тут же делала противоположное – выбегала на красный свет под колёса автомобиля, могла, задумавшись, засунуть руку в трусы и начать мастурбировать, или накакать во дворе под кустом, хотя туалет был всего в нескольких шагах, и она прекрасно об этом знала.

Но куда более серьёзным испытанием для моих нервов оказалась не агрессия и не невнимательность, а враньё. Очень сложно, работая с ребёнком, не иметь возможности верить ему на слово. Она врала во всём. Начиная с мелочей, таких как невымытые руки после похода в ванную, сваленная на младшего брата вина за разлитый чай, а на собаку – за тайком съеденный бутерброд, и заканчивая более серьёзными вещами, такими как намеренно испорченная мебель или вытоптанные на клумбе цветы. Причём в приёмной семье на ребёнка никогда не повышали голос, «страшное» наказание ограничивалось тем, что Анна отправлялась к себе в комнату и играла там, а «самым страшным» наказанием было лишение ежедневного получасового просмотра мультфильмов.

Правда же всегда только поощрялась и приводила к отмене наказания, но часто и это на Анну никак не влияло. Она смотрела

на меня своими большими голубыми глазами и говорила, как ей со мною повезло, и казалось, что вот уж на этот раз она действительно говорит правду… Но не успевала я отвернуться, как – даже ещё не у меня за спиной! – девочка ломала игрушки, запихивала в рот порцию младшего брата, выбрасывала, надкусив один раз, лакомства, смачно плевала в еду – в общем, делала именно то, чего она ровно секунду назад обещала не делать. Андреас поначалу признавался во всех своих «грехах», и ему можно было верить на слово. Но поскольку сестра валила на него вину всегда и за всё, скоро мальчик стал делать так же, и узнать истинного зачинщика проделок более не представлялось возможным.

Однажды мы пошли в трогательный зоопарк. Было очень жарко, и мне пришлось ненадолго оставить детей, чтобы набрать воды в бутылку. Предварительно я взяла с них обещание подождать меня на стоявшей в тени лавочке и в моё отсутствие ничего не предпринимать. Возвратившись ровно через две минуты, я застала Анну вскарабкавшейся на ворота вольера с козами. С перекошенным от усердия лицом она пыталась отодвинуть засов и командовала при этом взламывающим вольер снизу Андреасом.

Ни посетителей, ни сотрудников зоопарка, к счастью, поблизости не оказалось. «Ну что, маленькие разбойники, я надеюсь, вам не надо объяснять, что так делать нельзя?» – спрашиваю я, глядя в их перепуганные лица. «Что мне с вами теперь делать?» Застигнутые врасплох непоседы кивают опущенными головами, громко шмыгая носом: «Домой отвести? Вместо катания на пони», – задумчиво предлагает Анна. «И никакого мороженого», – шепчет, рассматривая свои ботинки, Андреас. «И никаких увеселительных мероприятий, пока вы не научитесь вести себя в общественных местах», – обещаю я. В некоторых ситуациях только и остаётся, что воспринимать их с юмором.

Но так, конечно, было не всегда. Иногда брат с сестрой доводили меня до белого каления, так что я выходила из комнаты, чтобы

выдохнуть и успокоиться. Я никогда не кричу на детей, и обычно это не составляет для меня труда, но с Анной и Андреасом мне временами приходилось из последних сил сдерживаться и преодолевать себя, чтобы не отступать от своих принципов.

А потом Анна забиралась мне на колени, сворачивалась клубком, говорила, как сильно ко мне привязалась, и как ей стыдно меня расстраивать. И тут уже стыдно становилось мне: что не всегда хватает терпения, что раздражаюсь, остро реагирую на вещи, которые ребёнок изменить не в силах. Обнимаю её, глажу по волосам, успокаивая её и себя – и снова по кругу: догонялки, прятки, сказки, песни, качели, песочные замки, раскраски, куклы, машинки, русалочки.

* * *

Большие проблемы у нас были связаны с соблюдением правил дорожного движения. Несколько раз мне приходилось лезть под машину, чтобы водитель остановился и не переехал Анну, которая в очередной раз уронила куклу, или упала с велосипеда, или заснула посреди улицы с открытыми глазами.

А в один далеко не прекрасный день, когда мы возвращались домой с прогулки, Андреас, который, вместо того, чтобы идти с нами рядом, не слушался и бежал далеко впереди, размахивая ведёрком, уронил это самое ведёрко на проезжую часть. Мгновенно оценив ситуацию и поняв, что добежать до него я не успею, кричу изо всех сил: «Андреас, не поднимай! Стой на месте!!!» Сама же бегу к нему. В ту же секунду из-за поворота выруливает автобус. Ведёрко катится, как в замедленном действии. Сердце у меня останавливается, потому что Андреас – разумеется! – лезет за ним, не видя опасности. Он хватает ведёрко под мой истошный вопль «Стоп!», переднее крыло автобуса проносится менее чем в полуметре над его

опущенной головой. Я кричу, хватаю малыша в охапку. Он плачет, обнимает меня. Он кричит, я плачу. Нас обоих трясёт от шока. Только теперь я замечаю стёсанные в кровь колени – его и свои, и мой разбитый вдребезги новый телефон.

В тот же день я сообщила о произошедшем своему начальству. Мой супервизор задокументировала это происшествие, заверив меня, что я, как социальный ассистент, работающий с детьми с особенностями развития, «застрахована от и до, даже на случай самого печального исхода», но если, не дай Бог, это бы всё же произошло на моих глазах, кадры несчастного случая навсегда остались бы со мною, серьёзно травмировав психику, не говоря уже о чувстве вины. Так как обучение детей правилам дорожного движения в мои обязанности не входило, а следовать указаниям стоять на красный, идти на зелёный и не забегать далеко вперёд, дети не могли или не хотели, сколько ни повторяй, с этого самого момента и до окончания моего контракта (то есть, три последних месяца) Андреас во время наших с ним прогулок передвигался исключительно в детской коляске, что для ребёнка трёх с половиной лет было сущим наказанием, но служило гарантией безопасности, а Анна вынуждена была идти в ногу со мной и держать меня за руку, в противном случае она оставалась дома.

* * *

На педагогическом факультете Высшей Специальной школы Потсдама (а с Анной и Андреасом я работала, учась на выпускном курсе) мы постоянно слышали от наших профессоров, что главная их цель – привить нам педагогическую позицию: общаться с детьми на равных. Не отдавать «приказы», а общаться, объясняя свою точку зрения и принимая во внимание интересы ребёнка. Именно вокруг этого принципа строится вся моя работа с детьми. Мне было важно,

чтобы Анна и Андреас мне доверяли и знали, что когда я рядом, им ничего не грозит. Ведь только если ребёнок чувствует себя в безопасности, он будет познавать мир через игру.

Поначалу бесконечные дискуссии, о том, что можно и нельзя, а также «почему мне то можно, а это нельзя», сильно выматывали, но со временем мне в этом отношении становилось всё легче. Через пару месяцев дети стали чувствовать себя настолько комфортно, что начали невзначай называть меня мамой.

К счастью, Ева, в отличие от многих родителей, которые воспринимают это на свой счёт, реагировала абсолютно спокойно. У нас сложились тёплые и доверительные отношения, после моего рабочего дня мы обменивались новостями, могли вместе выпить чаю, пожаловаться друг другу на выходки детей и вместе посмеяться над нашими проблемами.

Я уверена, что общение с родителями и членами семей и взаимная поддержка – важнейшие составляющие работы с особенными детьми.

* * *

Когда до окончания моей работы с братом и сестрой оставалось две недели, мы играли в прятки в саду. Андреас каждый раз прятался за деревом, а Анна – под кустом, я же делала вид, что старательно их ищу, а когда находила, поливала из шланга. День был жаркий, мы визжали, дурачились и пили лимонад. Вдруг малыш с загадочным и хитрым видом подошёл и плюхнулся мне на колени: «Анастасия, знаешь что?». «Что? – спрашиваю я. – Признавайся, что ты там натворил». «Ничего, – всё так же хитро отвечает он. – Я тебя люблю». «Да? – отвечаю я. – Хорошо, я тебя тоже люблю». Андреас разворачивается и целует меня в щёку. Во время нашего разговора у стоящей рядом Анны глаза становились всё больше и изумлённее,

а при моих последних словах она и вовсе едва не поперхнулась лимонадом: «Анастасия… Так ты это… Что это… И меня, что ли, любишь? Потому что я-то тебя тоже люблю!» «Ну конечно я тебя тоже люблю, – отвечаю я, – а как же». Оба расплываются в довольной улыбке. «Как хорошо! – отвечает Анна. – А теперь твоя очередь! Иди прячься, мы будем считать!»

©Martina – stock.adobe.com

В Германии, в отличие от Италии, например, где все дети учатся вместе, наряду с общеобразовательными существуют ещё и специальные школы для детей с особенностями развития (Sonderschulen). Работающие в них педагоги специального образования – специалисты высочайшего уровня, умеющие управлять сложнейшей групповой динамикой в классах, зачастую состоящих из детей разного возраста, с разноплановыми

диагнозами. Работать в этих классах нужно так, как будто ты дирижируешь симфоническим оркестром: знать, как управлять этим сложным организмом, учитывать индивидуальные особенности каждого не в ущерб другим.

©sakhorn38 – stock.adobe.com

Многие специальные школы оборудованы по последнему слову техники: с компьютерным классом, проектором и домашним кинотеатром, собственным спортзалом и бассейном. Но при этом число выпускников таких школ, поступающих в высшие учебные заведения, ничтожно мало и составляет менее одного процента. Впрочем, как любили повторять наши профессора, это проблема не только школ, но и высших учебных заведений, которым ещё многое предстоит сделать, чтобы стать по-настоящему

инклюзивными.

©BalanceFormCreative – stock.adobe.com

Ещё несколько лет назад гаджеты для альтернативной и аугментативной (дополнительной) коммуникации были редкими и неподъёмно дорогими, так что пользоваться ими могли очень немногие. Но на данный момент эта отрасль активно развивается, постоянно создавая новые приложения, способные за незначительную сумму превратить планшет в «умное» коммуникационное устройство. Благодаря им новое поколение детей учится коммуницировать так, как пару лет назад нельзя было и представить, открывая новые возможности и меняя качество жизни.

От инклюзивного образования, требующего колоссальной подготовки, работы над учебными планами, дополнительными материалами, консультаций со специалистами, вспомогательных педагогических ресурсов, открытости, гибкости мышления – в конечном итоге выигрывают все. Ведь как показывает опыт, если система, рассчитанная строго на среднестатистического ученика, смогла подстроиться под одну особенность, приспособиться к остальным ей будет значительно легче

©arborpulchra – stock.adobe.com

Немецкие дети обожают уроки труда, которые здесь носят название «мастерских» (Werkstatt). Правда, детей на них делят не по половому признаку – «мальчики столярничать, девочки готовить», а по интересам. Сегодня одна группа строит шалаш в лесу, а вторая делает марионеток. А завтра мальчики пекут торт, а девочки строят космический корабль.

©anna_shepulova – stock.adobe.com

Plätzchen – традиционное немецкое рождественское печенье. У каждой хозяйки свои рецепты и секреты. В декабре едва ли не в каждом детском саду Германии, не говоря уже о школах, дети старательно замешивают и раскатывают тесто и учатся печь и украшать это особенное лакомство. А потом его можно повесить на ёлку, красиво упаковать и подарить маме или съесть самому, обмакивая в молоко или какао.

©Denis – stock.adobe.com

Во многих немецких детских садах и школах, как «обычных», так и специальных, особенное внимание уделяется раннему музыкальному развитию – дети играют с разными музыкальными инструментами, экспериментируя со звукоизвлечением, знакомятся с мелодией и ритмом, рисуют свои музыкальные ассоциации.

©Rawpixel.com – stock.adobe.com

Все мои подопечные обожали рисовать: смешивать цвета, обмакивать в краски кисточки или пальцы, оставляя отпечатки ступней или ладоней на бумаге. Причём делали это они не ради того, чтобы их похвалили и не для того, чтобы эти рисунки подарить потом родителям, а просто получая удовольствие от процесса. Иногда дети боятся холодной глины или не хотят окунать палец в неизвестную им краску, но воспитатели, которым нужно выполнять план по поделкам, не оставляют им выбора. Очень жаль, ведь такой подход способен надолго, если не навсегда, отбить радость от творчества.

©emerald_media— stock.adobe.com

Конечная цель инклюзии состоит в том, чтобы однажды этот концепт стал устаревшим. Чтобы значение, которое мы сегодня вкладываем в этот термин – «школы для всех», «университеты для всех», «рабочие места для всех» – стало само собой разумеющимся, не нуждающемся в дополнительном объяснении и упоминании.

Айрис, Ник
и все-все-все

В новом учебном году я начала работать педагогическим ассистентом по работе с особенными детьми в одной из протестантских частных школ Берлина. Моими подопечными стали девятилетняя блондинка с голубыми глазами и копной кудрявых волос по имени Айрис и семилетний Николас с золотисто-рыжими волосами, зелёными глазами и россыпью веснушек. Ай – третьеклассница, а Ник идёт во второй класс, но учатся они вместе: в их школе есть младшая и старшая рабочие группы, с первого по третий и с четвёртого по шестой класс соответственно.

У Айрис диагностирован аутизм, а у Николаса есть некоторые трудности в моторном и социально-эмоциональном развитии, вызванные преждевременным появлением на свет. Я здесь для того, чтобы обеспечить необычным детям возможность посещать обычную школу. В мои обязанности входит помощь в организации школьных будней. Я буду зачитывать и объяснять задания, там, где это необходимо, оказывать помощь в организации порядка и общего тайм-менеджмента, мотивировать, способствовать концентрации, работать с ресурсами ребёнка и постоянно их развивать, поддерживать в развитии независимости, оказывать поддержку в сложных ситуациях, придумывать игры и организовывать свободное время и способствовать социальному ориентированию.

Август

Учительница, она же классный руководитель Николаса и Айрис, сразу меня предупредила, что школа у них, помимо разделения на рабочие группы, имеет ещё ряд особенностей. Так, учебное заведение работает по принципам педагогики о «компетентном ребёнке» датского психотерапевта Еспера Юуля, утверждающего,

что дети с рождения обладают всеми социальными качествами, а потому считающего все методы воспитания «излишними». В основу педагогической концепции ставится равенство между детьми и взрослыми, а любое поведение ребёнка (даже если ему приспичило танцевать посреди класса во время контрольной) рассматривается как важный акт коммуникации и манифестация его потребностей.

На то, чтобы учесть пожелания, мнения и настроение каждого, тратилось огромное количество времени и ресурсов, и всё бы ничего, но в каждом классе (как и везде!) стабильно имелось несколько сорванцов, которые всегда находили возможность вывести из себя учительницу, испортить чужое имущество, устроить потасовку или ещё как-нибудь сорвать урок. Они всячески проверяли границы дозволенного (а точнее, отсутствие чётких границ), доводя ситуацию до абсурда. Благодаря им становилось ясно, что система, которая так хороша на бумаге, на практике не работает. По крайней мере, в отдельно взятой немецкой частной школе.

* * *

Для Айрис я зачитываю задания как по немецкому, так и по математике. Читает она на уровне конца первого класса, пишет – «как слышит». Поэтому то, что Айрис пишет, расшифровать порой непросто, её же это страшно раздражает: «Каким же надо быть тупым, чтобы не понять такие простые слова». Ай не может показывать кому-либо свою слабость, поэтому если ей и приходится читать (в обучающих играх, например), то делает она это про себя, очень быстро и не всегда правильно.

По этой же причине она не хочет и не может упражняться в чтении с кем-либо, а делает это самостоятельно и только дома.

Часто моё желание помочь воспринимается в штыки и становится причиной конфликтов, если же я упускаю момент и не предлагаю свою помощь, это обязательно будет использовано против меня. Любая моя инициатива наказуема: тяжёлыми вздохами, закатыванием глаз, презрительным фырканием, раздражённым тоном. А потом вдруг она меня обнимает и садится на колени, нуждаясь в защите, понимании и утешении.

Учительница отчитывает меня зато, что я показываю Айрис свою неуверенность: «Потому что она сама не уверена, и если чувствует это во взрослых, раздражается». «Да её само моё присутствие раздражает, – отвечаю я, – и вообще, о какой уверенности может идти речь, если я работаю здесь всего две недели, адаптируюсь к новым для себя условиям и пытаюсь разобраться со своими обязанностями?» «Адаптируйся, – отвечает она, – только делай это уверенно».

Николас читает очень медленно, по слогам, путая буквы или меняя их местами. Он старается всё делать как можно лучше и быстрее, но от этого только чаще ошибается, замедляясь и очень по этому поводу расстраиваясь. Ник, как и Айрис, испытывает меня на прочность, пренебрегая моими советами и делая всё наоборот. Только через время, убедившись в том, что если я что-то подсказываю, то делаю это для того, чтобы облегчить ему жизнь, а не помешать, он начинает прислушиваться к моим словам. Доверительными наши отношения становятся не сразу, но в дальнейшем они будут только крепнуть. С Айрис же они всегда напоминают американские горки: резкие взлёты и такие же головокружительные падения.

Каждое утро я первым делом подхожу к Айрис, чтобы поздороваться, спросить, как у неё дела, и пожелать приятного дня. И каждый раз она меня игнорирует. В остальное время она разговаривает со мною сквозь зубы. Если же я чего-то не понимаю и прошу повторить или говорить погромче, на её лице появляется усмешка. Несколько раз Айрис передразнивала мой акцент,

смеялась над ошибками в окончаниях и интересовалась, почему у меня «такой корявый немецкий». Тогда мне не осталось ничего другого, как при всём классе указать на то, что немецкий – не мой родной язык, а учила я его так же, как они сейчас учат английский. И что знание немецкого у меня на высоком уровне, чему имеется подтверждение в виде языкового сертификата, и коль уж я работаю педагогическим ассистентом в школе, помогаю им с чтением и письмом, стало быть, и сама умею делать это хорошо. А ошибки делают все, в том числе и носители языка, как они сами. Ай обиженно дуется, но с тех пор поддразнивания по поводу моего «иностранного произношения» остаются в прошлом.

* * *

В последующие дни мы много играем на свежем воздухе.

Прятки, догонялки, вышибала, правда или действие, летающие пони, куклы, дочки-матери. А ещё мы играем в школу, где я строгая учительница, а Айрис – самая прилежная ученица с отличными оценками. Ролевым играм Ай отдаётся полностью. Она меняется в лице, даже тембр голоса становится иным. Больше всего на свете Айрис любит игры, веселье и ящериц. О последних она знает всё и даже, кажется, немного больше. Несколько рептилий живут у неё в саду, и Ай проводит огромное количество времени, наблюдая за ними.

У девочки безграничная фантазия, с ней никогда не бывает скучно. Я впервые вижу её такой счастливой. Наконец-то я чувствую, что мы нашли общий язык.

* * *

После уроков учительница просит меня остаться на разговор, во время которого Айрис со слезами на глазах объявляет, что я ею совершенно не занимаюсь, не уделяю внимания и вообще я для неё как «те старые туфли, которые ты купил, потому что думал, что они тебе подходят, а потом оказалось, что нет, но поменять их уже нельзя, и они так и стоят в шкафу». У меня при этих словах пропадает дар речи. Учительница возражает, что, по её наблюдениям, внимания Айрис я уделяю достаточно. «Но это же всё не то!!! – восклицает Айрис. – Когда мне нужна помощь, она ко мне не подходит, а когда мне нужно моё личное пространство, она тут как тут, тенью за мною ходит!» На это классная руководительница замечает, что изначально было уговорено, что когда ей понадобится помощь, Айрис будет подавать мне сигнал, но теперь стало очевидным: эта система не работает.

«И что дальше? Какой выход?» – спрашивает учительница. Айрис пожимает плечами и отворачивается к стене: «Почему Анастасия не может быть как фрау Майер?» – обиженно вскрикивает Ай (Фрау Майер была моей предшественницей, у Айрис с ней была особенная связь, но в конце учебного года женщина эмигрировала в Америку – прим. авт.) – Она всегда меня чувствовала, а новая только бесит... " «Айрис, – перебивает её учительница, – и ты, и я прекрасно знаем, что так было не всегда. Год назад у нас с фрау Майер был такой же разговор. Ей понадобилось время, чтобы найти к тебе подход. Я вижу, что Анастасия старается. И знаю, что это очень сложно. И ты сама это знаешь».

«Ай, – наконец вклиниваюсь я в разговор, – скажи, я тебя и вчера бесила, когда мы играли в прятки?» – «Нет», – без раздумий отвечает она. «И позавчера, во время физкультуры, когда ты рассказывала мне о ящерицах?» – «Нет», – повторяет Айрис. «Может быть, во время урока труда, когда мы вместе делали аппликацию?» Девочка медленно качает головой. «То есть, Анастасия тебя нервирует не всегда, а когда неправильно интерпретирует твои сигналы», – резюмирует учительница. Айрис, подумав, кивает. «Вам

надо работать над коммуникацией, причём обеим», – заключает она – «Анастасия, не бойся спрашивать. Ситуация и для тебя, и для неё новая. Разговаривайте. И ты, Айрис, помни о том, что мысли читать не умеет никто из нас. Вам нужно какое-то общее занятие, которое вас сплотит. Я над этим подумаю. А пока я вам разрешу вместо классного часа просто провести время вместе. Поиграть, погулять, пообщаться. Вам это сейчас необходимо».

* * *

Через пару дней учительница отзывает меня в сторону и показывает толстую красную книгу в затейливой обложке. «Знаешь этот роман?» – спрашивает она меня. Я рассматриваю обложку произведения под названием «Чернильное сердце» Корнелии Функе. «Нет, – отвечаю я, – никогда не слышала». «Вот заодно и познакомишься», – улыбается она: «У меня для тебя спецзадание. Я хочу, чтобы ты сегодня на уроке чтения читала вслух эту книгу для Айрис. Главу за главой, с выражением, так, чтобы её увлечь. Да, и вот ещё что: я специально для вас сделала читательский дневник, чтобы после каждой главы она составляла краткое содержание, которое ты будешь записывать, и отвечала на вопросы».

В своё время, учась на факультете филологии и журналистики Южного федерального университета в Ростове-на-Дону, я работала на радио, а потому читать вслух я умею и люблю. С первой секунды нашего литературного путешествия Айрис затихла, очутившись в мире фэнтези, полностью растворившись в строках романа. До конца урока она так и просидела не шелохнувшись. Оглядываясь назад, я понимаю, что благодаря этой книге и началось наше с нею сближение.

Сентябрь

5 сентября

Сегодня мальчик из моего класса хотел перепрыгнуть через скамейку, но недопрыгнул, и приземлился головой об асфальт. У него пошла кровь из носа и кровавая пена изо рта. Его так трясло! Я думала, что он умирает. Точнее, я тогда вообще ничего не думала, а в шоке бегала как угорелая по двору, звала на помощь. Нашла учителя физкультуры, который и занёс мальчика в спортзал, где ему оказали первую медицинскую помощь. В итоге оказалось, что всё не так страшно. Классная руководительница вызвала родителей, а пока они ехали к нам из ближайшего населённого пункта, малыш с пластырем на лбу и кровавым носом лежал на диванчике, а я читала ему вслух. Когда его забрали и шок прошёл, трясти стало уже меня, и я сидела и плакала в учительской. К этому невозможно привыкнуть. Ранятся они, но больно всегда тебе.

6 сентября

На уроках немецкого первоклассники учатся читать по книжкам «Лони» о приключениях трёх друзей: утёнка Лони, кролика Лино и наглого гнома по имени Отто. У Отто проблемы со штанами: он их то теряет и не может найти, то забывает надеть, а то и просто спускает, стоя голым задом к читателям. Трусов он при этом не носит. Так что за 60 минут чтения с Николасом филейную часть гнома я лицезрела едва ли не чаще, чем его лицо. Айрис объяснила мне, что делается это специально, «чтобы подчеркнуть, какой Отто придурошный», впрочем, возможно, именно благодаря этой своей особенности, наглый гном – главный любимчик первоклашек.

После чтения по плану у нас музыка. Уроки музыки Айрис обожает, она всегда сидит в первом ряду, усердно занимается и получает

огромное удовольствие. Но не сегодня. «Сегодня я должна экономить силы, – объясняет она мне, – потому что недавно я снова начала заниматься балетом». Теперь каждую пятницу после школы папа забирает её и отвозит на балет. Пока девочка занимается, папа сидит в коридоре. А она в это время выполняет 24 фуэте за минуту и разучивает многие другие сложные элементы. Я спрашиваю, не планируется ли у них в ближайшее время выступлений. Айрис с жаром отвечает, что выступлений у них вообще никогда не планируется: «Мы же для удовольствия занимаемся, а не для того, чтобы на нас все пялились».

Разговоры о балете занимают всё большее место в нашем общении. Каждый понедельник Айрис рассказывает мне о пятничном занятии, детально описывает учительницу балета, бывшую балерину, строгую к технике и мягкую к своим ученицам, свои пуанты, любимую музыку, под которую она танцует. И только через полтора месяца в разговоре с родителями случайно выяснится, что в последний раз занятия по танцам Айрис посещала в возрасте шести лет. Всё остальное – продукт её богатой фантазии. Такой поворот событий меня изумляет, но, даже узнав правду, я решаю не подавать виду, а всё так же внимательно слушаю рассказы о балете. В конечном итоге, для меня важно то, что важно для Айрис. И не имеет значения, проходят ли занятия по балету в народной школе или только в воображении девочки.

9 сентября

На уроке труда мы учимся печь печенье. Детей разделили на группы по интересам – одна часть ушла в лес, вторая гуляет во дворе, третья делает аппликации из осенних листьев, четвёртая – с нами на кухне. Я повязываю детям фартуки и помогаю воспитательнице[2] поддерживать дисциплину, замечая, что даже десять детей на кухне – это много, шумно и небезопасно.

Приходится следить, чтобы никто не опрокинул на себя чайник, не засунул пальцы в блендер и не обжёгся дверью духовки.

Когда печенье отправляется в печь, дети делятся с нами своими любимыми рецептами, рассказывают анекдоты и смеются. А потом все мы пьём какао с овсяным печеньем прямо из духовки и делимся планами на осень. Айрис в прекрасном настроении, она ест печенье, что-то тихонько напевая и разглядывая содержимое своей чашки.

13 сентября

Урок физкультуры. Айрис не в духе. Сперва она игнорирует меня, затем, когда дети садятся вокруг учителя физкультуры, подбегает ко мне и укладывается на лавку, положив мне голову на колени и спрятав лицо в ладонях: «Айрис, у тебя всё в порядке?» – интересуюсь я. Из-под сжатых пальцев доносится глухое хихиканье. После долгих уговоров мне наконец-то удаётся убедить её принять участие в игре.

На уроке английского учительница предпринимает несколько попыток вовлечь Айрис в происходящее, но не получает ответной реакции. В середине урока Айрис встаёт со своего места и молча подсаживается ко мне. Я приобнимаю её за плечи, и так мы сидим до конца занятий.

16 сентября

На уроке труда Айрис отправляется валять фигурки из войлока, а Николас долго выбирает между походом в лес, керамикой и прогулкой во дворе, и в итоге останавливается на последней. Но все его друзья отправляются в лес, так что во дворе он играет один, а не с малознакомыми ребятами.

Я сижу на скамейке и наблюдаю за происходящим. Через некоторое время Нику надоедает быть одному, и он подсаживается ко мне, закидывая вопросами о том, как прошёл мой день, чем я занимаюсь после работы, о моих любимых фильмах, книгах

и прочих хобби. Он просит меня поиграть с ним в футбол. Я сразу предупреждаю, что это не лучшая идея, но в конце концов сдаюсь, и до конца урока мы гоняем мяч. Мне даже удаётся забить гол (против его семнадцати), которому Ник так радуется, что что-то мне подсказывает, будто произошло это не без его помощи.

20 сентября

На уроке религии речь зашла о чуде, и я узнала о детях много нового. Так, выяснилось, что у Макса, главного хулигана и красавчика, по которому сохнут все девочки, в возрасте четырёх лет обнаружили рак крови, самую агрессивную форму лейкимии. Он пережил лучевую и химиотерапию. Все, кто лежал с ним в палате, умерли, а он вошел в ремиссию. Сейчас мальчику восемь, и он всё ещё принимает лекарства, но прогнозы у врачей самые оптимистичные.

Кевина, весельчака и выдумщика, врачи с рождения называли медицинским чудом. Он родился сильно недоношенным и весил чуть более 800 граммов. Малыш много месяцев провёл в инкубаторе, но сейчас совершенно не отличается от своих сверстников.

Со мною же настоящее чудо произошло в Швейцарских Альпах, когда во время прогулки у меня под ногой обвалился камень, и я полетела в пропасть, а не разбилась только потому, что зацепилась за скалу и повисла на капюшоне… А что для вас чудо?

23 сентября

Урок чтения. Мы с Айрис в комнате тишины, я читаю ей вслух из «Чернильного сердца». Она при этом строит шалаш из подручных средств и, кажется, совсем меня не слушает. Я делаю паузу и спрашиваю её, о чём шла речь в только что прочитанной главе. К моему удивлению, Айрис, всё так же глядя куда-то в сторону, пересказывает главу в мельчайших деталях, а потом делает

несколько глубокомысленных замечаний касательно мотивации главных героев.

24 сентября

Сегодня у нас день знаний правил дорожного движения. Сначала учительница раздаёт листы бумаги и просит записать или нарисовать на них те ассоциации, что возникают у детей при слове «трафик». Она подчёркивает, что в этом задании нет правильных и неправильных ответов, и что каждая ассоциация нужна и важна. Я помогаю Николасу сформулировать мысли и зафиксировать их на бумаге, задавая наводящие вопросы. Затем я предлагаю свою помощь Айрис, но она отвечает, что уже всё нарисовала.

Вслед за этим учительница показывает нам каталог основных дорожных знаков, которые дети обязаны знать для собственной безопасности, и на случай, если какой-то из знаков дети не знали или забыли, объясняет, что означает каждый из них. Затем она просит меня раздать детям папки-планшеты, после чего мы идём прочёсывать близлежащие улицы в поисках знакомых нам дорожных знаков. Айрис не в настроении, она хмурится и уверяет, что ей безумно скучно, потому что знаки она наизусть знает, «хоть сейчас на права сдавай», но выбора у неё нет.

Николас держит меня за руку, как всегда, когда он в чём-то не уверен. Я глажу его по голове. Постепенно он расслабляется и успокаивается. Мимо проезжает автобус: «Мама, что там написано? Что написано на автобусе?» – спрашивает меня Ник. Тут же, заметив свою оплошность, он краснеет и переспрашивает: «Что было написано на автобусе, Анастасия?» Я делаю вид, что ничего не заметила, и отвечаю ему, что там было написано (номер автобуса и конечная остановка). Айрис щурится и с усмешкой смотрит куда-то в сторону.

«Улов» на знаки получается довольно богатым: девять разных знаков за сорок минут. Мы возвращаемся в школу, где сначала

обсуждаем итоги нашей вылазки, а потом слушаем сказку о правилах дорожного движения. После этого я копирую раскраски с дорожными знаками, раздаю их детям, достаю цветные карандаши и наблюдаю за процессом.

Октябрь

Со 2 по 18 октября у нас осенние каникулы.

* * *

Поскольку школа, в которой я работаю, протестантская, октябрь у нас проходит под знаком Мартина Лютера – христианского богослова, переводчика Библии на немецкий язык и основоположника Реформации.

На уроках религии детям подробно рассказывают о возникновении протестантизма, этапах Реформации и её значении в контексте европейской истории. На уроках искусства они рисуют портреты Мартина Лютера, а в понедельник 28 октября на открывающей неделю молитве даже выступает приглашённый актёр (учитель из воскресной школы, как потом оказалось) в образе Мартина Лютера. Он рассказывает о Реформации и лютеранстве от первого лица.

* * *

У Айрис настроение меняется не по дням, а по часам: то она меня в упор не замечает, то забирается мне на колени и требует безраздельного внимания. Учителя дают мне весьма неоднозначные и во многом противоречивые указания: я должна уговаривать Айрис делать классную работу и выполнять данные ей задания, «но ни в коем случае на неё не давить, потому что у неё иначе пропадёт желание учиться», и при этом «следить, чтобы я была в роли педагогической ассистентки, а не товарища по играм, иначе Айрис

очень быстро заберёт бразды правления, и обратно их уже не отдаст». Эмоционально работа с нею даётся мне крайне тяжело.

У Николаса же совсем другие проблемы. Он добрый, нежный, отзывчивый мальчик, который болезненно реагирует на несправедливость и всегда готов прийти на помощь, очень вежливый и воспитанный. Но при этом у него бывают хорошие и плохие дни. Обычно если ребёнок уже умеет складывать двухзначные цифры, то он это делает без особых трудностей, даже не задумываясь. Николас же в хороший день может молниеносно сложить 65 +78, тут же получив правильный ответ. А в плохие дни он иногда не может в уме от десяти отнять четыре. И это выбивает его из колеи. Поэтому мы с ним учимся работать именно с этой неуверенностью, принимать её, не впадая в панику, а разделяя кажущуюся неподъёмной задачу на маленькие кусочки, которые ему по зубам в любом состоянии. И скоро такой подход начинает приносить свои плоды.

Ноябрь

1 ноября у Айрис день Рождения. Вечером я сделала для неё открытку с ящерицей, купила шоколадное сердечко в золотой фольге. Рисую я не особенно хорошо, поэтому очень старалась, потратив немало времени. Ящерица получилась хитрой, милой и очень забавной. Я уже предвкушаю момент, когда Айрис откроет подарок, и как она обрадуется. Перед началом урока я вижу, что ребёнок не в духе. Отзываю её в сторону и говорю: «С днём Рождения, дорогая! Я очень старалась, надеюсь, тебе понравится!» Айрис безучастно берёт из моих рук подарок, и, резко развернувшись, молча уходит, не удостоив меня не только слова, но даже и взгляда. Меня как будто холодной водой окатили. «Ладно, – говорю я сама себе, – ничего страшного, значит, она просто не может выразить свои эмоции».

Урок религии проходит спокойно. После него мы все садимся в круг, учительница зажигает свечку, и мы поём для Айрис песню-благословение. Потом Айрис по традиции спрашивают, что ей подарили и какой подарок понравился или запомнился больше всего. Айрис печально отвечает, что подарки она ещё не успела открыть, а сделает это только вечером. И что единственный подарок, о котором она знает точно, это велосипед, «но это только потому, что он так упакован, что сразу понятно, что там». «А, и ещё мне фрау Майер прислала открытку из Америки. И всё. Больше мне пока никто ничегошеньки не подарил», – добавляет она.

Меня как будто ударили в солнечное сплетение. Я выхожу из класса и бегу в учительскую. К счастью, меня никто не видит. Плакать я не хочу, но слёзы всё катятся и катятся. Оставленные на воспитательницу дети едят приготовленный мамой Айрис торт, а учительница подсаживается ко мне и спрашивает, почему я плачу. «Потому что накопилось! – всхлипываю я, вытирая чёрный от туши подбородок и дрожащие губы. – Потому что я уже три месяца бьюсь головой об глухую стену. Стараюсь, всё для неё делаю. Поддерживаю, когда она неправа, вслух читаю, играю с ней всегда, ни разу „нет“ не сказала. Я уже смирилась с тем, что она меня иногда неделями игнорирует, не здоровается со мной, никогда не скажет спасибо. Что всё, что я для неё делаю – не то и не так. Но когда тебе прямым текстом говорят, что поздравила её только фрау Майер, а ты для неё никто, это уже слишком! Я тоже не робот!»

«Послушай меня, – серьёзно произносит учительница, – Ты отличный педагог. Прекрасно обращаешься с детьми, выслушиваешь, помогаешь, поддерживаешь. Твой единственный недостаток в том, что ты всё воспринимаешь слишком близко к сердцу. Я тоже иногда этим грешу, но я всё-таки уже почти тридцать лет в профессии, поэтому научилась отделять личные отношения от профессиональных. Тебе не нужно, чтобы она тебя любила, была твоим другом. Тебе нужно давать ей необходимую поддержку, чтобы девочка чувствовала себя уверенно, знала, что если что-то не так, ты

всегда придёшь на помощь. А цель твоей работы в том, чтобы однажды ей эта помощь стала не нужна. Я больше чем уверена, что твой подарок ей понравился, просто она не может вот так раскрыться и тебе это показать. Для детей с аутизмом налаживание эмоциональных связей – это долгий, кропотливый процесс даже для близких людей. Не всё сразу. Шаг за шагом. Я в тебя верю, ты всему научишься».

* * *

В тот момент я была так расстроена и обижена, что к мнению учительницы, конечно, не прислушалась. Но время показало, что она во многом была права. Через пару месяцев я пройду онлайн-курс по теме «Расстройства аутистического спектра» Калифорнийского Университета в Дэйвисе и посещу семинар на тему раннего детского аутизма в Берлине. Ведущая этого семинара, педагог, психолог, потрясающая женщина и мама взрослого сына-аутиста навсегда изменит моё отношение к Айрис. Она научит меня принятию и терпению. А также полностью перевернёт моё отношение к работе, сказав: «Не верьте, если родители ребёнка с аутизмом или люди, с ними работающие, скажут, что у них всё всегда хорошо и ровно и проблем у них не бывает. Я вырастила сына с этим диагнозом, работаю с аутистами и их родителями большую часть своей жизни, консультирую их и постоянно изучаю новую информацию. И вот что я вам скажу. Иногда мне хочется биться головой об стенку. Потому что это безумно тяжело. Важно себе в этом признаться». После этого семинара я научусь отпускать ситуацию, не требуя невозможного ни от Айрис, ни от себя. В конце концов, если кто-то обманул ваши ожидания, возможно, дело в том, что вы чего-то не того ожидали.

А традицию с самодельными открытками я продолжу. Кроме того, на Рождество, Пасху, день Святого Николая, день всех влюблённых

и другие праздники Айрис будет получать от меня маленькие подарочки: стикеры с ящерицами или русалками, шоколадки, стирательные резинки или точилки. Она так ни разу и не скажет мне спасибо, но постепенно это изменит наши отношения в лучшую сторону и укрепит их.

14 ноября

Две недели длился большой проект по теме «сказки». Учительница читала вслух сказки братьев Гримм, а затем дети их анализировали: разбирали сюжет, главных героев и второстепенных персонажей, писали их характеристики. Последним этапом было написание собственной мини-сказки по шаблону: «Кто главный герой? Каковы его отличительные особенности? Есть ли у него/неё волшебные предметы? Что произошло? Что было потом? Чем всё закончилось?» День Х был назначен на пятницу, в четверг же детям давалось время на то, чтобы продумать о ком или о чём они хотят писать, и придумать имя своим персонажам.

Задание, на первый взгляд совершенно несложное, взбудоражило класс. И на переменах, и во время обеда в школьной столовой только и было разговоров, что о будущей сказке. Сильнее всех ожидаемо разволновалась Айрис. «Как это нам надо сказку писать? Ну, я, конечно, пишу роман, а точнее, сразу несколько романов, но они что, не знают, что некоторые писатели пишут свои произведения лет по 30, а то и дольше? Как они от меня могут требовать, чтобы я её писала вот прямо так, с ходу, здесь, в классе?» – возмущалась она. «Это же гигантское задание, просто космическое, огромная работа, просто неподъёмная!»

От волнения у неё участился пульс, а зрачки расширились, сделав глаза почти чёрными. «Айрис, не преувеличивай, пожалуйста, это задание на пять-десять предложений по шаблону, чтобы я видела, что вы знаете, как пишутся сказки. Шедевров мировой литературы я от вас не ожидаю», – заметив её волнение, попыталась успокоить

учительница. Но не тут-то было: «Как, они хотят ограничить мою креативность? Да они с ума посходили что ли? Я никогда этого не позволю!» – восклицала она.

«Айрис, дорогая. Твой литературный талант никто не ставит под сомнение, но в данный момент речь идёт о задании на понимание основных элементов сказки, – увещеваю я её. – Сегодня нам надо придумать главного героя, а завтра решить, что за приключения с ним (или с нею) происходят. Мы уже договорились с учительницей, что ты мне продиктуешь свои идеи, а я их запишу, чтобы ты не отвлекалась на правописание». Айрис смотрит на меня отсутствующим взглядом, достаёт из рюкзака толстую тетрадь, и начинает разрисовывать её каракулями в виде кардиограммы.

«Чем это вы тут заняты?» – спрашивает ассистирующая учительнице воспитательница. «Творческий процесс», – развожу я руками. «Вообще-то это не задание на сегодня. Вы в курсе, что сегодня нам только имя персонажа придумать нужно и его отличительные особенности, а саму сказку мы будем завтра писать?» – интересуется она. Айрис, не глядя на неё, громко фыркает, продолжая своё занятие. Все мы прекрасно понимаем, что сегодня нам в этом плане уже ничего не изменить.

15 ноября

На следующий день Айрис в школе не появилась. У неё возникли проблемы с пищеварением, болит живот. Видимо, перенесённые волнения дали о себе знать.

После физкультуры наступает урок чтения. Мне в какой-то мере повезло: из-за отсутствия Айрис я могу всецело посвятить своё внимание Николасу, а это ему необходимо. Мотивация учиться у Николаса огромная. Она настолько сильна, что одновременно представляет собой его слабость: когда то, к чему он прикладывает титанические усилия, не удаётся, это выводит Ника из равновесия

и расстраивает настолько, что вернуться в прежний рабочий ритм бывает совсем непросто.

Вот и сейчас: мы ещё даже не начали писать, а он сравнивает себя со своими одноклассниками, у которых уже полно идей, и начинает тихонько постанывать. В таких случаях я вижу свою задачу в том, чтобы обратить его внимание на ресурсы, а не на слабые стороны: указать мальчику на огромный прогресс, которого он уже достиг, на полученные новые знания. Я прошу его сконцентрироваться на своих успехах вместо того, чтобы равняться на старших товарищей и впадать в отчаяние. Глажу его по спине, массирую плечи и уверяю в том, что с заданием мы непременно справимся: «Даже не сомневайся!»

Как только учительница раздаёт рабочие листы и объявляет о том, что сейчас мы будем писать наши мини-сказки, Ник с криком «О не-е-е-т!» подбрасывает в воздух свою сменку и пенал, как он поступает, когда чем-то раздражён, а сам начинает плакать. К счастью, я уже знаю, как успокоить Николаса, и делаю это довольно быстро. «Всё ты сможешь, вот увидишь! Ещё и отличная сказка получится», – подмигиваю я ему. После того как ребёнок немного успокоился, мы начинаем обсуждать идеи, о чём могла бы быть его сказка, как начаться, чем продолжиться, и какой у неё мог бы быть финал. Я поддерживаю и подбадриваю, задаю наводящие вопросы и привожу несколько примеров волшебных предметов, таких как ковёр-самолёт у Аладдина или говорящее зеркало у мачехи Белоснежки.

Николас уже знает, что главным героем его сказки будет Мануэль Нойер, его любимый игрок, вратарь Мюнхенской «Баварии» и чемпион мира по футболу-2014. В ходе работы над сказкой выясняется, что мальчик сильно переживал, когда на чемпионате мира в России в 2018 году сборная Германии во главе с его любимцем показала себя не с лучшей стороны, вылетев ещё на групповом этапе. Так что в своей сказке Ник решил дать Мануэлю и компании шанс эту, с его точки зрения, величайшую

несправедливость исправить. Итак, финал чемпионата мира по футболу-2018. Германия играет в Москве против… кого бы, вы думали, вывел в финал начинающий писатель? Против сборной России. Которая не только отлично играет, но и (видимо, один второклассник внимательно смотрит новости!) пользуется услугами крутейших хакеров. Последние и помогли им смастерить умный мяч, который сам выбирает траекторию полёта и, когда нужно, летит прямиком в ворота соперников! Но Мануэля Нойера просто так не проведёшь! Благодаря его «суперской чемпионской реакции, он отбивает закатывающийся в ворота мяч, а потом и забивает победный гол, сделав Германию чемпионом мира. Ура!» Давно я так не смеялась.

Эту сказку учителя потом не раз приводили в пример реалистичной сказки с элементами волшебства, заставляя Николаса краснеть от гордости. А после учительница собрала все сказки, напечатала их на компьютере и, перемежая их с детскими рисунками, устроила целую волшебную выставку.

Декабрь

2 декабря

Есть в Германии такая традиция: первого декабря открывать первую дверку Рождественского календаря (нем. Adventskalender), специального календаря в европейских странах, показывающего время, остающееся до Рождества. Изначально они были в виде домиков, где за каждой дверкой пряталась шоколадка, а всего их 24 – с первого декабря и до Сочельника. Каждый день открываешь дверку, съедаешь шоколадку и считаешь дни до Рождества. Теперь же календари эволюционировали и стали тематическими, а вместо шоколадок за дверками часто прячутся чайные пакетики разных сортов, украшения, игрушки или другие подарки.

У нас же календарь был особенный. В последнюю неделю ноября дети писали свои имена на клочке бумаги, бросали их в шляпу, а затем тянули жребий – кто кому достанется. Что-то вроде тайного Санты. Условия были очень простыми: ты делаешь подарок тому, кого вытянул, меняться нельзя. Подарок можно и нужно самостоятельно смастерить, или нарисовать, или испечь, ну, или купить, но только не дороже пяти евро.

Рано утром второго декабря, в понедельник, мы с учительницей развесили все кулёчки, мешочки и коробочки с подарками на длинной и толстой еловой ветке, а её, в свою очередь, прикрепили на подоконнике. Теперь каждый день кто-то из детей вытягивал записку с именем счастливчика, и они выходили за своим подарками. Вот только имени ребёнка при этом не называли, его нужно было угадать по описанию. Например, подсказка «Этот мальчик обожает футбол. Он очень добрый и отзывчивый. У него зелёные глаза и есть старшая сестра» была для Николаса. А по описанию «У этой девочки голубые глаза и золотые кудри. Она

единственный ребёнок в семье. И ещё она большая выдумщица» все мы сразу узнали Айрис.

По-моему, это прекрасная рождественская традиция, которая позволяет детям лучше узнать друг друга, познакомиться с интересами своих одноклассников при выборе подарка, и, конечно же, развивать фантазию и творческие способности.

3 декабря – 14 декабря

Затянувшийся день сурка. Каждый день читаю Айрис «Чернильное сердце», вместе мы заполняем читательский дневник. Делаю ксерокопии необходимых пособий и учебных материалов. Слежу за дисциплиной в классе, пока учительница в смежной комнате проводит индивидуальные консультации и разговоры с родителями. В индивидуальном порядке опрашиваю по таблице умножения. Проверяю словарный диктант и контрольные по математике. Радуюсь, что работаю в начальной школе, а не в выпускных классах. Занимаюсь с Николасом математикой и чтением. Через не могу и не хочу, через усталость, раздражительность и разочарование, через слёзы и разбросанные от злости канцелярские принадлежности. С упрашиваниями, уговорами, похвалой и строгостью. Каждый день.

16 декабря

Урок природоведения на природе. Диких кабанов, к счастью, не встретили, зато увидели лисицу, нескольких белок, уток и цаплю. Нашли погрызенное бобром дерево, насобирали ракушек, прошли квест и устроили пикник. Из детей и животных никто не пострадал.

Не знаю, чья это была идея – пойти в поход не весной, не летом и не осенью, а в середине декабря, но, как и ожидалось, было очень холодно. Даже несмотря на многослойную одежду, чай в термосе и зарядку, которую мы все дружно делали, чтобы согреться, провести

на улице три с половиной часа в плюс пять градусов на ветру оказалось непросто.

Айрис простудилась, поэтому в поход с нами не пошла. Николас поссорился со своим лучшим другом Симоном, и прорыдал всю обратную дорогу, так что мне пришлось его обнимать и успокаивать. Впрочем, ещё до обеда они успевают помириться.

20 декабря – 5 января

Рождественские каникулы, ура!

Январь

6 января

В нашем классе появился новый ученик, третьеклассник, а одна из второклассниц нас покинула и перешла в новую школу. В связи с этим нескольких детей пересадили, чтобы обеспечить оптимальную дисциплину в классе и помочь новенькому влиться в коллектив. И несмотря на то, что я предупредила родителей Айрис и попросила морально подготовить её к перестановкам, я вижу, что это даётся ей с трудом. Айрис то и дело поворачивается, исподлобья смотрит на нового мальчика и тяжело вздыхает. За день она сломала уже три карандаша и изрезала ластик на мелкие кусочки, а потом принялась грызть ногти.

Видя её состояние, учительница отправляет нас в комнату тишины с «Чернильным сердцем». Поначалу Айрис отказывается слушать, она плотно зажимает уши и зарывается в перину, укутавшись в одеяло. Так проходит несколько минут. Затем она осторожно выглядывает из-под одеяла и спрашивает, можем ли мы заняться «йогой», чтобы успокоиться? У меня абсолютно нет желания вставать в позу загорающей лягушки, бешеного верблюда, страдающего лебедя или что она там ещё напридумывала, делать мостик и тянуть

пятки к затылку, но я решаю, что сейчас не лучшее время отказываться. На протяжение четверти часа я гнусь, мнусь, тянусь и старательно повторяю за Айрис все её импровизации. Она всё больше оттаивает, а потом и вовсе начинает заливисто смеяться над моей неуклюжестью. После чего она ложится со мной рядом, обвивает меня рукой и внимательно слушает, как я читаю вслух до конца последнего урока.

7 января

В школе отключили отопление. В классе холодно, на уроке религии мы слушаем рассказ о Крещении Господнем, сидя в верхней одежде и ожидая, когда его включат. В конце урока к нам заглядывает директор и объявляет, что отопление включить не удалось и они уже обзвонили родителей, чтобы детей забрали как можно скорее. Поэтому сразу после завтрака мы направляемся в помещение школы продлённого дня, где ждём, пока детей разберут. Мы с Николасом и ещё несколькими мальчишками играем в настольные игры. Айрис несколько раз проходит мимо, искоса на меня поглядывая. Николас в порыве нежности подходит ко мне со спины, обнимает за шею и кладёт голову на плечо. Айрис молча разворачивается и уходит. До конца дня я её не вижу.

8 января

Урок чтения с Николасом. Слёзы, споры, уговоры.

Урок труда. Любимейший урок Айрис. Она остаётся в классе мастерить «машину времени». Николас просится гулять во дворе в компании лучшего друга. Меня отправляют с ними.

Музыка. Дети учатся танцевать полонез, я помогаю с музыкой – включить, выключить, перемотка, пауза.

9 января

Физкультура. В начале урока я отвечаю за дисциплину в обеих раздевалках: у девочек, как обычно, в целях безопасности помогаю заклеить пластырем мочки уха с серёжками, чтобы они не поранили себя и других. У мальчишек утихомириваю крикунов и разнимаю дерущихся. Затем помогаю учителю со сбором снарядов и экипировки. Слежу за техникой безопасности при выполнении кувырков, поддерживаю и мотивирую. Когда одной из девочек случайно попадают в лицо мячом, разбив губу, отвожу её в учительскую. Достаю из холодильника пакетик со льдом, делаю запись в журнале первой медицинской помощи.

На перемене, во время завтрака, читаю детям вслух из книги «Карлсон, который живёт на крыше». Обычно этим занимается кто-то из учителей, но когда всем некогда, то просят меня.

Во время большой перемены Айрис как правило играет со своими подругами-четвероклассницами, но не сегодня. С раннего утра она хмурая, раздражительная и неразговорчивая. Молча сидит на скамейке рядом со мною, избегает моего взгляда и не отвечает на вопросы. Я решаю оставить её в покое и с расспросами больше не лезу. Когда мы возвращаемся в класс, она берёт меня за руку и всё так же молча прижимается ко мне. На уроке немецкого все пишут диктант, Айрис же сидит на моём рабочем месте, а точнее, полулежит на мне, спрятав лицо у меня на плече. Она не реагирует на вопросы и просьбы учительницы, и в итоге мы так и сидим до конца урока.

10 января

Урок изобразительного искусства. Учительница развешивает на доске несколько репродукций морских пейзажей Уильяма Тёрнера. Дети их обсуждают, рассказывают, у кого какие ассоциации с морем, кто где проводит отпуск. Учительница задаёт наводящие вопросы: «Какое там море? Холодное или тёплое? Какого оттенка?

Прозрачное или нет? Видно ли дно? Какой песок? Есть ли галька или ракушки?»

Затем дети получают задание нарисовать собственный морской пейзаж. Мы тщательно застилаем все столы старыми газетами, я помогаю повязывать фартуки и надевать рабочую одежду. Выдавливаю небольшое количество краски на палитры. Слежу, чтобы кисти не оставались в воде слишком долго. Вытираю краску с пола и со столов и помогаю детям убрать за собой рабочее место.

На уроке математики первым делом подхожу к Айрис, чтобы спросить, не нужна ли ей помощь. Вижу, что она отлично справляется, и только после этого занимаюсь Николасом. Он не в духе. Ему третий раз подряд достался один и тот же рабочий лист с умножением на пять и десять. Мы уже разбирали с ним эту тему, и я знаю, что для него это не проблема, но именно от этого рабочего листа его уже просто тошнит. Сначала я пытаюсь его приободрить, но он всё больше раздражается. Ник сквозь слёзы решает примеры, то и дело со злости ударяя карандашом об стол и хватаясь за голову. Издаёт рычащие звуки и делает хаотичные движения руками и ногами. Я объясняю ситуацию учительнице. Она подходит к нам, внимательно рассматривает проделанную Николасом работу и даёт ему новый рабочий лист с делением на пять и десять, соответственно. Ник тут же успокаивается, и щёлкает примеры, как семечки. Поднимает голову, смотрит на меня и улыбается.

После обеда у первоклассников и второклассников физкультура, а у третьеклассников английский. И тут мы обнаруживаем, что Айрис пропала. Вместе с классной руководительницей мы ставим учительницу английского в известность и отправляемся на поиски. Её пальто и сапоги в гардеробе, значит, и сама она должна быть не во дворе, а в школе. Урок уже начался, а мы заглядываем в комнату тишины, библиотеку, гардероб, актовый зал, проверяем туалеты и помещения школы продлённого дня, заглядывая в шкафы и под диваны.

Наконец классная руководительница приходит ко мне, чтобы сказать, что Айрис нашлась в библиотеке. Оказывается, она спряталась за книжный стеллаж и с удовольствием ждала, пока мы её обнаружим. Учительница просит меня заняться с Айрис английским. Я обещаю сделать всё от меня зависящее, Айрис послушно кивает головой. Вот только когда учительница уходит, Айрис сообщает мне, что вообще-то она пошутила и английским заниматься не собирается, «ей и так хорошо», а вместо урока мы с ней будем играть.

После утомительных поисков и волнений на тему «А вдруг она всё-таки выбежала на мороз без одежды?» у меня совсем нет сил пререкаться и спорить. Я достаю с полки книгу и пытаюсь занять Айрис виртуальным сбором picnic basket (корзинки для пикника), но натыкаюсь на глухую стену. «Хорошо же, – говорю я, – но только при одном условии. Играть будем на английском». Ай радостно соглашается и вытаскивает твистер. Я кручу рулетку и раздаю задания: «Left hand red! Right foot blue! Right hand yellow! Left foot green[3]!«Потом мы меняемся местами, Айрис крутит рулетку, а я стараюсь не упасть и не завязать конечности узелком.

К концу урока, а, соответственно, и недели, я вымотана морально и физически. Я так устала от криков и шума, от перемен настроения на 180 градусов, от невозможности что-то изменить, от того, что все мои усилия воспринимаются как само собой разумеющееся, а единственный сигнал, который я получаю от Айрис – это отторжение. «Тяжёлая была неделя. Следующая будет полегче», – успокаиваю я себя и сама себе не верю.

13 января

Я забрасываю вещи в учительскую и заскакиваю в класс в последнюю секунду до звонка. Айрис летит ко мне навстречу со свирепым выражением лица и сжатыми кулаками. Я даже не успеваю понять, в чём дело. «У нас что теперь, каждую неделю

теперь новые ученики будут???» – кричит она. И только тут я вижу, что на соседнем подоконнике сидят мама с маленькой девочкой, по виду первоклассницей, и испуганно смотрят на нас. «Доброе утро», – насколько возможно более приветливо улыбаюсь им я. А про себя думаю, ну неужели нельзя было предупредить, чтобы я поставила в известность родителей?.. Айрис возвращается на своё место, топает ногой, с силой швыряет свой рюкзак о парту и разворачивается к стене.

Сначала учительница представляет нам новую первоклассницу Марию, милую и скромную, а потом у нас начинается тематическая неделя. На этот раз мы говорим о времени. Учительница читает о нём сказку, после чего предлагает детям додумать продолжение и в нескольких предложениях записать его на рабочем листе. Все дети старательно выводят своё продолжение истории. Но не Айрис. Она по-прежнему сидит, надувшись и повернувшись лицом к стене. Учительница вопросительно смотрит на меня и шепчет: «Что случилось?» Я молча киваю в сторону новенькой девочки и её мамы. «А-а-а, а я об этом как-то и не подумала», – шепчет она в ответ.

Айрис в это время со стула сползает под стол, где лежит, закрыв глаза и зажав уши, и громко стонет. «Айрис, – говорю я, – тебе плохо? Пойдём в коридоре посидим? Или в комнату тишины, приляжешь там?» Стоны продолжаются. «Ай, девочка моя, как я могу тебе помочь?» – переспрашиваю я, гладя её по волосам.

«Я хочу, чтобы ты скорее умерла!!! И не жалко тебя! Вообще не жалко!!!» – кричит она со слезами на глазах. «Айрис... Я знаю, что злишься ты не на меня. Тебе очень плохо, и я это вижу. И я здесь именно для того, чтобы тебе помочь и по возможности оградить тебя от таких ситуаций. Поэтому если тебе физически плохо, я тебе предлагаю прилечь и выпить воды. А если тебе морально тяжело находиться в классе, то мы можем выйти в коридор или даже на улицу. В любом случае, я не хочу, чтобы ты в таком состоянии оставалась в классе, тебе это явно не на пользу», – максимально спокойно, уверенно и нежно предлагаю я, вспомнив всё, чему меня

научили на курсе повышения квалификации по теме аутизма. Ничего не ответив, Айрис вскакивает и выбегает из класса, громко хлопнув дверью. Я следую за ней.

Сначала мы долго молча сидим в комнате тишины. Наконец Айрис, всхлипывая, произносит: «Знаешь, я бы хотела, чтобы в жизни никогда ничего не менялось. Мне от этого больно». Я тяжело вздыхаю и медленно киваю головой. «Ай, почитать тебе?» – «Нет», – отвечает она, – просто посиди со мной». И мы сидим в тишине, пока за нами не присылают гонца с сообщением, что пора завтракать.

На прогулке во время перемены Айрис от меня не отходит. Её подружки стоят рядом и уговаривают её идти играть, но она крепко держит меня за руку и только качает головой, не говоря ни слова. Мы медленно наматываем круги по школьному двору – один, второй, третий…

Урок математики. Айрис с разрешения учительницы лежит в библиотеке, укутавшись в одеяло, и рассматривает иллюстрированную энциклопедию. Я играю в обучающие игры с второклассниками. Если замечаю, что у кого-то из них проблемы с устным счётом, то занимаюсь с этим ребёнком индивидуально.

На уроке труда я остаюсь с Айрис, сегодня мы лепим глиняные подсвечники. Настроение у неё заметно поднимается. Она что-то напевает себе под нос, а справившись со своей поделкой, помогает другим.

14 января

На первом уроке дети учатся определять время по стрелкам часов. Айрис в свои девять лет прекрасно умеет это делать, поэтому она занимается своей раскраской. Я ассистирую учительнице: сначала распечатываю учебные материалы, копирую рабочие листы, раздаю их детям. Потом меня вместе с второклассниками отправляют в коридор, чтобы проверить, как у них обстоят дела с пониманием

циферблата. Результат неутешительный, поэтому мы возвращаемся в класс и тренируемся дальше, теперь все вместе.

Урок математики. Мы с Николасом отрабатываем умножение на семь: сначала наглядно, с учебными материалами Монтессори, выкладывая палочки с семью бусинками вдоль линейки с единичными делениями, затем заполняем полученные результаты в тетрадь. И только после этого переходим к примерам. Айрис в это время громко сопит, положив голову на стол, закрыв глаза и прикрыв голову руками. Учительница просит меня проверить тест-пятиминутку по математике, пока она разговаривает с Айрис.

Урок чтения для меня разделён на две части. Сначала мы с Николасом мучаемся с «Лони» – уже порядком надоевшей и ему, и мне, историей про утёнка, гнома и зайчика. Николас хочет читать быстро, но в итоге начинает сбиваться, запинаться, заикаться, скачет глазами через строчку. Я приношу ему специальную закладку, с помощью которой он не может видеть больше одного слова. Это его дисциплинирует, и очередную тетрадку он заканчивает довольно быстро. Вторую половину урока я провожу с Айрис, читая «Чернильное сердце» и заполняя читательский дневник.

15 января

Урок правописания. Николас корпит над своей прописью, склонив голову и от усердия высунув язык. Айрис вместе с учительницей пишет словарный диктант в библиотеке.

Перед уроком музыки ко мне подходит необычайно бледная Айрис и жалуется на боль в животе. Учительница отправляет нас наверх, чтобы я о ней позаботилась. Сначала я пытаюсь выяснить, позавтракала ли Айрис и пила ли она достаточно воды, и на оба вопроса получаю утвердительный ответ. Мы укладываемся в комнате тишины, сначала я читаю ей «Чернильное сердце», но потом замечаю, что Ай не слушает, тяжело вздыхая и морщась от боли. Через час приезжает мама и забирает её домой.

20 января

В следующий раз Айрис появляется в школе только в понедельник. «Хочу обратно домой. Ненавижу школу, тут меня всё бесит», – стонет она.

На уроке немецкого мы проходим знаки препинания, и у нас новая игра: учительница пишет на доске предложения без пробелов, а дети должны сами разделить его на слова и расставить знаки препинания. Это в очередной раз выбивает Айрис из колеи. Она только—только начала читать и писать печатными буквами на уровне первого класса, и это потребовало колоссальных усилий как с её стороны, так и со стороны родителей и педагогов. А теперь она не может прочесть то, что написано на доске, потому что задание намеренно усложнили, и оно кажется ей таким неподъёмным, что ощущается как личная обида. Айрис закрывается, в такие моменты к ней невозможно пробиться.

После десяти минут уговоров хотя бы посмотреть на предложения и попробовать разобрать их общими усилиями, я сдаюсь и спрашиваю учительницу, что делать дальше. Она вручает мне рабочий лист и распечатанное предложение с просьбой сделать задание вместо Айрис, при этом комментируя каждый свой шаг и объясняя ей, как, что и почему я делаю. Я несколько раз очень медленно зачитываю предложение вслух, затем карандашом разделяю его на слова, показывая Айрис, после чего вырезаю каждое слово и наклеиваю его в правильном порядке на лист бумаги, после чего расставляю знаки препинания, не оставляя ни одно действие без комментария. Айрис безучастно сидит рядом и смотрит в пустоту.

Пока я читаю предложение Николаса и других ребят, Айрис выходит в коридор вместе с учительницей. Когда я иду в учительскую, чтобы распечатать тесты по математике, я замечаю, что Айрис плачет.

После урока я подхожу к учительнице и спрашиваю, что случилось. Она рассказывает, что у Айрис сейчас непростой период: её заботят мысли о переходе в следующий, четвёртый, класс, где всё будет новым и неизвестным, и где нужно уметь очень хорошо читать и писать, чего она делать не умеет.

На уроке математики каждый трудится над своим рабочим листом. У Айрис это сложение и вычитание трёхзначных цифр до тысячи. Задания даются ей легко, но делать их ей неохота, поэтому она с большим удовольствием рисует драконов. Я уговариваю её сначала сделать задание, чтобы после у неё осталось больше времени на рисование, но не тут-то было: «Сначала я дорисую голову дракона, потом закончу первый столбик. Сначала я нарисую два крыла, потом возьмусь за второй». Терпение моё на исходе, эти уговоры страшно выматывают, но с другой стороны, я ничего не могу сделать, кроме как оставаться доброжелательной, вежливой и настойчивой, чтобы получить хоть какой-то результат.

27 января

Сезон простуд в разгаре. Добрая половина преподавательского состава свалилась с различными вирусами, так что с педагогическими кадрами возникла напряжёнка. Поэтому нежданно-негаданно у нас образовался свободный день. Его мы вместе с параллельным классом проводим в школе продлённого дня: рисуем, читаем, лепим из пластилина, мастерим, играем. Несмотря на наличие одного учителя и двух воспитателей, уровень шума такой, что закладывает уши и начинает гудеть голова.

Я стараюсь уделить время обоим своим подопечным. С Айрис мы играем в дочки-матери, лепим драконов и принцессу из пластилина, а потом устраиваем с ними импровизированное представление в интерьерах кукольного театра. С Николасом мы собираем большой футбольный пазл с фотографией футбольного клуба «Бавария Мюнхен».

Последние два часа проходят на улице, где пожилой воспитатель по имени Торстен учит всех желающих разводить костёр и готовить куриный бульон с лапшой в котелке. Сам он при этом рассказывает мне, как провёл свой недавний отпуск на Камчатке: «Потрясающе! Я много где побывал, но такой красоты ещё не видел, чтобы вулканы, горы и медведи! Вот куда обязательно стоит поехать!» – восторгается он.

Февраль

В первую неделю февраля у нас зимние каникулы.

В последующие три недели Айрис в школе не появлялась. У неё каждый день болела то голова, то живот. Встревоженные родители водили её по врачам, но те только разводили руками. В итоге в разговоре с психологом выяснилось, что Айрис не могла справиться со стрессом, вызванным перестановками в классе с приходом двух новых учеников, и её симптомы носили психосоматический характер.

Меня же ждал сюрприз от Николаса. После зимних каникул у нас был урок чтения. Ник, как всегда, читать не хотел. Книга для первоклассников его раздражала, он злился, пинал свой рюкзак и чуть не плакал. «Ну что, дружочек, хочешь – не хочешь, а читать нам с тобой придётся. Поверь мне, я тоже не горю особым желанием, но надо – значит, надо. Зато если ты не хочешь читать «Лони», можешь взять хрестоматию, " – предлагаю я.

Николас соглашается без особого энтузиазма. Мы берём книгу, идём в коридор, садимся на широкий подоконник. Ник нехотя открывает хрестоматию и сквозь слёзы начинает читать… Но не по слогам, а целыми словами, да к тому же так быстро и складно! Я сначала не могла поверить своим ушам, поэтому с изумлением слушала до конца абзаца, а потом и страницы. И только после этого смогла спросить: «Ник, ты сам-то себя слышишь? Ты так хорошо читаешь! Удивительно! Ты, наверное, все каникулы тренировался?» «Нет, – смущённо отвечает мальчик, – вообще-то на каникулах мы не читали, а только на лыжах катались».

Тут уже слёзы наворачиваются у меня – от гордости. Ещё бы! Месяцы, а для Ника так и вовсе годы упорных занятий наконец-то окупились, и мальчик начал читать на уровне своих сверстников. Этот день я не забуду никогда. Меня переполняли непередаваемые

эмоции, ведь в работе с особенными детьми их успехам ты всегда радуешься больше, чем своим.

Март

В начале марта у Айрис умерла бабушка. Сначала я об этом не знала, и списывала её грубость и раздражённость на усталость, недосып и плохую погоду, но позже учительница всё-таки оповестила меня о трагедии в семье и предупредила, что Айрис не собиралась никому рассказывать.

В тот день девочка не делала ничего из классной работы, а только молча сидела, уставившись в окно, а затем свернулась калачиком под столом, закрыв глаза и зажав уши руками. Я подошла к ней, села рядом. Осторожно погладила по спине, по волосам. Реакции никакой не последовало. Тогда я погладила её ещё раз, легонько потрясла. Один глаз открылся, с недовольством уставившись на меня: «Ай, пойдём в коридор, там посидим? Я вижу, что тебе здесь не очень хорошо сейчас». Глаз медленно закрывается со словами: «Отвали от меня». Однако, тяжело вздохнув, она всё же выпрямляется, встаёт и выходит в коридор. На пороге разворачивается и выжидающе смотрит на меня.

Я выхожу с ней. Айрис стоит на подоконнике, сложив руки за спиной и прислонившись лбом к стеклу. Я стою сзади. Так проходит несколько минут. Наконец я решаю пойти ва-банк. «Айрис», начинаю я, – мне очень жаль, что твоя бабушка умерла. Мои бабушка с дедушкой умерли много лет назад, но они мне до сих пор снятся, я безумно скучаю и жалею, что их нет в моей жизни. И я тебе искренне соболезную». Айрис начинает медленно раскачиваться, и падает спиной вперёд в мои объятия. Я её ловлю, и мы долго стоим молча, обнявшись.

В последующие дни Айрис явно ищет поддержки в моём лице. Даже если у неё одно задание, а у меня другое – с другим учеником или даже в другом классе, она следует за мной. Иногда ей

необходим тесный телесный контакт, тогда она садится рядом и кладёт мне голову на плечо, а то и на колени, берёт меня за руку, обнимает или просит обнять её. В остальное же время ей достаточно, чтобы я находилась в поле зрения, тогда она спокойно рассматривает книгу с картинками, что-то раскрашивает или мастерит, время от времени показывая мне результаты своей работы и поддерживая зрительный контакт. Такой открытой и ранимой Айрис я ещё не знала, поэтому старалась поддерживать, как только могла, и быть рядом каждую минуту.

Карантин

С 15 марта по 24 мая школа была закрыта на карантин из-за пандемии коронавируса COVID-19.

Занятия частично проводились в онлайн-режиме, но работодатель сразу поставил нас в известность, что работа с нашими подопечными возможна только в рамках классной комнаты, и никакие другие формы (в домашней обстановке или через интернет) рассматриваться не будут.

Май

25 мая

Приспосабливаемся к новой реальности. Первый рабочий день после карантина: всего три с половиной часа, всего восемь детей вместо 24 (их разделили на три рабочих группы). Учимся держать дистанцию, постоянно проветриваем, дезинфицируем и носим маски.

* * *

По понедельникам и четвергам занятия были у третьих классов, соответственно, я работала с Айрис, по вторникам и пятницам – у вторых, где в центре моего внимания был Николас. Первые классы занимались отдельно. Детей рассадили так, чтобы между ними был как минимум один пустой стол для соблюдения дистанции. Они даже заходили в школу строго по одному, и по одному же её покидали. В коридорах появились бесконтактные дезинфекторы для рук, а после улицы и перед завтраком учителя теперь тщательно контролировали, все ли помыли руки.

Классная руководительница подробно рассказывала об актуальной ситуации с коронавирусом в Германии и просила задавать вопросы. «А что, мы теперь до конца недели так и будем сидеть?» – робко спросил Николас. – «Недели?» – переспросила учительница – Минимум до конца учебного года», – ответила она. По классу прокатился дружный вздох.

Для всех детей ситуация была малоприятной и пугающей, но сильнее всего она ударила по Айрис. Она рисовала и вырезала бумажных кукол, это её хоть как-то успокаивало. То и дело девочка выходила в коридор, пряталась в библиотеке или в гардеробной. Ребёнок совершенно не мог сконцентрироваться на заданиях, когда всё вокруг было настолько новым и непривычным. Она зажмуривалась и закрывала уши руками, сильно уставала и жаловалась на то, что у неё беспрерывно гудит в голове. В такие моменты мы выходили в коридор или отправлялись в комнату тишины, где я читала вслух из «Чернильного сердца», а Ай внимательно слушала, устроившись на толстом матрасе и изредка прерывая меня вопросами или замечаниями к тексту.

Июнь

В организационном плане июнь от мая ничем не отличался – дети всё так же вынужденно соблюдали дистанцию, на уроках музыки нельзя было петь, чтобы не допустить аэрозольного распространения инфекции, прикасаться друг к другу запрещено было даже во время игр на свежем воздухе. Получалось это не всегда, но надо отдать им должное, они очень старались.

Николас был приветлив в общении и прилежен в учёбе. Время от времени его одолевала неуверенность – Ник так спешил всё сделать вовремя, что забывал элементарные вещи, которые в нормальном режиме не вызывали у него затруднений. Он пританцовывал на стуле, постанывая и хватаясь за голову. Тогда я подходила к нему и говорила: «Успокойся. Соберись. Мы же на прошлой неделе решали такие задания. Ты знаешь. Ты можешь». И он успокаивался и решал свои задачи и уравнения, и решал их правильно.

* * *

Айрис всё так же страдала от перемен, которые коронавирус внёс в школьные будни. Происходящее в классе её нисколько не интересовало, а только нервировало. Девочка выглядела измождённой, бледной, жаловалась на усталость, у неё часто болел живот. Мы то и дело выходили в коридор, а отвлечься ей помогало только «Чернильное сердце», из которого я успевала зачитывать по нескольку глав в день. В предпоследнюю учебную неделю психолог и вовсе освободил Айрис от необходимости посещать школу, вместо этого она делала уроки дома.

На последней неделе в школе Айрис всё-таки появилась, причём явно в приподнятом настроении. Я подарила ей тетрадь с изображением ящерицы. «О-о-о», – умилилась она и добавила: «Анастасия, ты уже получила свой красный конверт?» – «Нет», – ответила я, – а что за конверт? И где я должна была его получить?» – «Ну, если ещё не получила, значит, получишь в течение дня», – загадочно пообещала она.

На перемене мы играем в русалок. Айрис, разумеется, превращается Ариэль, а я поочерёдно представляю всех её сестёр. «Хорошо-то как!» – взвизгивает Айрис-Ариэль, хлопая в ладоши и приплясывая от радости. Перед началом урока она молча вручает мне красный конверт с надписью «Для Анастасии». «Большое спасибо», – отвечаю я. «Правда, урок уже начинается, и я не успею прочесть твоё письмо, но я обязательно это сделаю сразу после, хорошо?» Ай кивает, и мы идём в класс.

Я делаю ксерокопии учебных материалов, прокалываю их дыроколом, раскладываю по папкам. Сортирую и раздаю накопившиеся за весь учебный год поделки и рисунки. Распечатываю свидетельства об окончании третьего класса. Всё это время я чувствую на себе взгляд Айрис. Я поворачиваюсь к ней и улыбаюсь в ответ, она смущённо отводит взгляд. Поведение для неё настолько нетипичное, что я начинаю волноваться и думать о том, что же там в конверте.

После урока я первым делом вскрываю конверт. Из него вываливаются поделки: чёрная морская звезда с десятью парами подвижных глаз и скреплённые вместе дельфины – большой и маленький. На обороте обеих игрушек размашистым почерком выведено: «АнаНстасия лУблю тИбя» («Ananstasia libe dech»). «О-о-о нет, – шепчу я, – только не сейчас, за неделю до моего ухода».

В моей работе нет ничего прекраснее, чем услышать «Я тебя люблю» от маленького человека, в которого ты вкладываешь всю душу. Но только не в этом случае, ведь расставаться с близким человеком всегда непросто, а для ребёнка с аутизмом – это

эмоциональная катастрофа. Поэтому я предпочла бы холодное безразличие этому искреннему признанию, чтобы только мой уход её не так сильно ранил. На тот момент я уже подписала новый рабочий контракт, и что-либо изменить была не в силах. Выходя с работы, я натыкаюсь на стоящую на лестнице Айрис, которая смотрит на меня взглядом кота из «Шрека»: «Пока, Айрис, я тоже тебя люблю».

* * *

На следующий день мы попрощались с Николасом. Он вручил мне букет цветов, я ему – набор футбольных стикеров со сборной Германии. На прощание Ник спросил, где я теперь буду работать, а услышав, что в детском саду, прошептал: «Всем бы такую воспитательницу».

* * *

В последний для третьеклассников школьный день у нас был запланирован поход с пикником в близлежащий лес. Дети при помощи карты находили многочисленные подсказки, которые вели их к спрятанному сокровищу. День был жаркий и солнечный. Все, включая Айрис, пребывали в отличном настроении. По дороге она то и дело клала мне голову на плечо. Кладом оказался ящик с фигурками медведей (символ Берлина) – по одной для каждого выпускника.

Потом был пикник. Мы расположились на лугу в тени деревьев с припасёнными бутербродами, печеньем и мороженым. Айрис несколько раз интересовалась, всего ли мне хватает и не хочу ли я

ещё мороженого – просто небывалое проявление заботы с её стороны.

Мы пели песни, играли в прятки, а потом настало время ещё одной традиции: ребят по одному заворачивали в развешенный между двумя деревьями гамак, который остальные дружно раскачивали, а потом аккуратно «вытряхивали» выпускника из старого в новый класс с прибаутками и пожеланиями удачи в новом учебном году. По тому, как они пищали от удовольствия, было заметно, что эта забава пришлась по душе всем, даже самым скромным и застенчивым.

На обратном пути Айрис в шутку прицепила свой рюкзак к моему: «Всё, теперь мы с тобой связаны на веки вечные», – смеялась она, ещё не зная, что меньше чем через час мы с ней простимся. По возвращении в школу мы разобрали остававшиеся в гардеробе вещи, упаковали учебные материалы в картонные коробки для инвентаризации и генеральной уборки, перебрали и упаковали книги в библиотеке.

После этого учительница под аплодисменты вручила ребятам сертификаты об успешном окончании третьего класса.

Настало время прощаться. Вместе с классной руководительницей я подхожу к Айрис. «Айрис, подожди. Мы сегодня прощаемся с Анастасией», – начинает она. «Да, я знаю, – отвечает ребёнок с тяжёлым вздохом, – мы теперь ещё долго не увидимся, до конца каникул». «Нет, мы совсем прощаемся», – возражает учительница: «Тебя родители разве не предупредили»? (Так было обговорено – прим. авт.) «Нет», – шепчет она. Глаза наполняются слезами, а нижняя губа начинает мелко дрожать: «М-ма-ма с… сказала, что она, наверное, перейдёт со мной в четвёртый класс… Я знаю… я знаю, что это всё из-за этого дурацкого Николаса, это ведь из-за него она уходит!» – уже не сдерживая рыданий, кричит Айрис. «Нет, Николас тут ни при чём, и ты тоже, просто Анастасия нашла новую работу, которая ей больше подходит. Иногда во взрослой жизни так случается, что даже если твоя работа тебе нравится, и у тебя там

много друзей, люди по разным причинам устраиваются на новую работу», – пытается успокоить её учительница. «Айрис, я тебя полюбила, и мне тоже тяжело с тобой прощаться», – говорю я, но она отводит глаза и смотрит в сторону. Я достаю конверт: «Вот, я написала тебе письмо», – протягиваю ей самодельную открытку и набор стикеров. «И потом, нам необязательно прощаться навсегда. Если хочешь, мы всегда можем созвониться или обменяться сообщениями…» Но Айрис разворачивается и уходит, не дослушав. Учительница уходит вместе с нею, пытаясь её утешить.

* * *

Если она всё-таки однажды прочитает моё письмо, то узнает, что я никогда её не забуду, что многому у неё научилась, и всегда буду вспоминать наши игры, занятия «йогой», истории, которые мы сочиняли. Что благодаря ей «Чернильное сердце» навсегда останется для меня особенной книгой, с которой началась наша дружба. Что каждый раз, когда я вижу ящерицу, я думаю о ней. И что всегда, в любое время, по любому поводу и вовсе без повода, буду рада на другом конце телефона услышать её голос. «Потому что мы с тобою теперь навеки связаны».

Послесловие

Самый частый вопрос, который мне задают: «Почему ты перестала работать с особенными детьми?» И ответ, который всех удивляет: «Я не перестала». Да, я больше не педагогический ассистент по работе с особенными детьми в начальной школе, теперь я педагог дошкольного образования в детском саду, который не имеет статуса «интеграционного», или «инклюзивного». При этом у нас есть воспитанники с физическими и с ментальными особенностями, а также и те, чьим родителям по разным причинам в срочном порядке пришлось покинуть свою родину, и дети ни слова не понимают по-немецки.

Но в этом как раз весь смысл – создавать условия для всех, не навешивая ярлыков. В английском языке есть специальный термин «maindumping», означающий «забрасывание» ребёнка с особенностями развития в «обычную» классную комнату: без адаптации учебной программы, без какой-либо педагогической поддержки и дополнительного технического оснащения под лозунгом «Выплывай, как знаешь». Именно такой подход многие путают с понятием инклюзивного образования, считая, что пользы от этого не будет никому, а только стресс и вред для всех причастных. И они абсолютно правы: maindumping кроме ущерба никому ещё ничего не приносил.

От инклюзивного же образования, требующего колоссальной подготовки, работы над учебными планами, дополнительными материалами, консультаций со специалистами, вспомогательных педагогических ресурсов, открытости, гибкости мышления – напротив, в конечном итоге выигрывают все. Ведь как показывает опыт, если система, рассчитанная строго на среднестатистического ученика, смогла подстроиться под одну особенность, приспособиться к остальным ей будет значительно легче. А особенности, диагностированные или (ещё) недиагностированные, есть у каждого

из нас: кто-то силён в устных экзаменах, но проваливает тесты; один не может воспринимать информацию на слух, второй, наоборот, визуально. Кому-то, чтобы сконцентрироваться, надо надеть наушники, а другому – нарисовать дракона.

Инклюзивная школа (как и детский сад, университет и любое другое учебное заведение) строится не за один день, к цели часто приходится идти методом проб и ошибок, чтобы узнать, что подходит в данном конкретном случае, но мне почему-то кажется, что именно за ней будущее. Не за той школой, которая ломает детей под себя, а за той, которая настолько универсальна, что может подстроиться под любые особенности, помогая раскрыть полный потенциал ребёнка.

Голубоглазая хохотушка Мари, ласковые и доверчивые Анна и Андреас, непредсказуемая Айрис, трудяга Ник и многие, многие другие дети, с которыми мне довелось работать, окончательно убедили меня в том, что особенности развития – это всего лишь особенности развития, и крайне важно, чтобы они не оттесняли на задний план личность ребёнка, его индивидуальность, с мечтами и планами, с уникальными, ему свойственными талантами и способностями. И задача педагогики в целом и каждого, кто в ней работает, в отдельности – помогать раскрывать эти таланты, не пытаясь переделать ребёнка под свои представления о том, «как надо». Трудная задача? Конечно. Но ведь не невозможная.

Об авторе

Анастасия Хайме родилась 12.10.1985 в Ростове-на-Дону. Закончила отделение международной журналистики Южного федерального университета (2008). Работала журналистом, ведущей и редактором молодёжной программы на радио «Дон-ТР», переводчиком, репетитором, продавцом в книжном магазине, стажировалась в парламенте Германии, писала для электронных и печатных СМИ. Получила второе высшее образование по специальности «Детская педагогика» со специализацией на детском психоанализе («Kindheitspädagogik mit Schwerpunkt kindliche Psychoanalyse») в Высшей специальной школе Потсдама (Fachhochschule Potsdam, 2019).Работала в семейном центре с детьми беженцев, вела театральный кружок в школе продлённого дня. Книга «Особенные истории» посвящена опыту работы социальным/педагогическим ассистентом с особенными детьми как в индивидуальном порядке, так и в рамках начальной школы. В настоящее время живёт в Берлине, работает педагогом дошкольного образования в детском саду.

Анастасия Хайме

Анастасия Хайме

ОСОБЕННЫЕ ИСТОРИИ

Примечания

1

Все имена в книге изменены.

Вернуться

2

В начальных школах Германии наряду с учителями, отвечающими за учебную часть программы, работают воспитатели, ответственные за уроки труда и организацию досуга школьников.

Вернуться

3

Левая рука на красный! Правая нога на синий! Правая рука на жёлтый! Левая нога на зелёный!

Вернуться